



МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

КОГДА БОГИ
СМЕЮТСЯ

www.marinina.ru



Каменская

Александра Маринина

Когда боги смеются

«Автор»

2000

Маринина А.

Когда боги смеются / А. Маринина — «Автор»,
2000 — (Каменская)

Приходя в ночной клуб, чтобы весело провести время и послушать выступление популярной рок-группы, посетители не догадывались, что среди них находится настоящий фанат солистки Светланы Медведевой, который безжалостно убивает каждого, кто критикует певицу. После убийства фанат пишет письма своему кумиру, но получает эти письма совсем другой человек...

© Маринина А., 2000

© Автор, 2000

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	50
Глава 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александра Маринина

Когда боги смеются

Мы никогда не выигрываем. Иногда нам это кажется, но такова маленькая любезность, которой порой удостаивают нас боги.
Джек Лондон. «Когда боги смеются»

Глава 1

Войдя с уличной духоты в сумрачную прохладу подъезда, Ольга невольно улыбнулась. Впрочем, она всегда улыбалась именно здесь, на ступеньках, ведущих к лифту. Потому что именно на этом месте ей в голову приходила одна и та же мысль: как хорошо, что есть место, куда она идет с удовольствием. Как хорошо, что на свете существует человек, с которым ей невозможно поссориться ни при каких обстоятельствах. Человек, который не обманет ее и не предаст. Человек, с которым, как выяснилось, она не может расстаться.

Едва распахнув дверь, Ольга крикнула:

– Ты дома?

– Всенепременно! – донесся голос Павла. – А ты почему так рано?

Скинув босоножки на высокой шпильке, она босиком прошла в комнату, на ходу снимая черную трикотажную блузку и узкую длинную юбку.

– Пашка, ты знаешь, что такое женское счастье?

Павел заглянул в комнату и остановился на пороге, чуть насмешливо глядя на нее.

– Догадываюсь.

– Не догадываешься. Женское счастье – это удачно купленное белье. А что такое женское несчастье?

– Вероятно, белье, купленное неудачно. Угадал?

– Умница.

Она швырнула одежду на кресло и взяла легкий шелковый халатик. Павел привычно отвернулся, но из комнаты не вышел. Они не особенно стеснялись друг друга, но определенные приличия оба все-таки соблюдали.

– Такой идиотизм! – весело продолжала Ольга, раздеваясь догола. – Помнишь белье, которое мы с тобой вместе покупали в Барселоне? Оно было изумительно красивым на вид, я его сегодня надела, а оказалось, что кружево такое кусачее – ужас! Вместо того чтобы принимать эротические позы и соблазнять своего ненаглядного, я ерзала и выбирала удобный момент, чтобы почесаться. В результате сегодняшняя лав стори оказалась скомканной, пришлось сказать, что у меня разболелась голова, и постыдно ретироваться с поля сексуальной битвы. Вот черт, – она быстро оглядела себя в зеркале, – теперь на бедре раздражение, и на груди тоже. Надо же, как не повезло. Не смогу носить такую красоту. Вот это и есть женское несчастье.

Она запахнула халат и завязала на талии пояс.

– Все, можешь повернуться. Кстати, ты же собирался сегодня на какую-то гулянку. Отменилось?

Павел подошел к дивану и с размаху упал на него, высоко задрав ноги.

– А я сегодня обломался. Моя красоточка получила сигнал о несвоевременном возвращении драгоценного супруга и сочла за благо не рисковать понапрасну. Жизнь длинная, еще нагуляемся. Слушай, пойдем куда-нибудь поужинаем, а? Меня гнетет нерастраченный донжуанский запал. Хоть за тобой поухаживаю.

Ольга осторожно прикоснулась пальцами к тем местам на бедрах и груди, где все еще чувствовала зуд, и покачала головой.

– Мне, наверное, до завтра лучше не одеваться, – с сомнением произнесла она. – В холодильнике полно еды, зачем идти куда-то?

– Да ну тебя, – огорченно протянул Павел, – у меня романтический порыв, а ты весь праздник испортила.

– Не канючь, это не я праздник испортила, а белье, которое мы покупали вместе, стало быть, ответственность пополам. Насколько я помню, в том магазинчике именно ты обратил внимание на этот гарнитур, так что пожинай плоды. Подвинься, я прилягу.

Павел подвинулся на широком диване, освобождая ей место.

– Ладно, уговорила, остаемся дома. Лёлька, ты не забыла о дне рождения моей маменьки? Катастрофа приближается, осталось всего пять дней. Что дарить-то?

Да, это проблема. Мать Павла относилась к подаркам трепетно, сама дарила их с удовольствием, долго и тщательно продумывая и выбирая, но и требовала такого же отношения к себе самой. Каждый год эта проблема вставала в полный рост, каждый год как-то решалась, но и точно так же с каждым годом делалась все труднее. Повторяться было нельзя. И разумеется, ни в коем случае нельзя было согласовывать подарок с самой именинницей. Подарок должен быть сюрпризом, это даже не обсуждалось. Так было заведено в семье Павла испокон века.

– Давай думать, – вздохнула Ольга, вытягиваясь на диване, – и вспоминать. Вечернее платье?

– Мы ей привозили из Бельгии.

– Ах да, я забыла. Напольная ваза?

– Из Англии, на пятьдесят пять лет.

– Верно, теперь вспомнила. Брошь?

– Оттуда же.

– Может, сумочку и перчатки из хорошей кожи?

– Лёлька, возьми себя в руки! У тебя совсем память отшибло? Мы же ей это дарили на прошлый день рождения.

– Извини, – пробормотала она, устраиваясь поуютнее рядом с ним, – я так устала, меня в сон клонит, я совсем ничего не соображаю.

Павел привстал и принялся тормошить ее за плечи.

– Не спи! Сейчас только девять часов, если ты уснешь, то опять поднимешься в пять утра и будешь колобродить по квартире. Открывай глаза, а то холодной водой оболью. Ну Лёлька же!

Внезапно Ольга вскочила, глаза ее радостно сверкнули.

– Есть! Помнишь, когда мы были в Греции, мы видели в книжном магазине потрясающее подарочное издание об Иерусалиме? Огромный фолиант, текст на английском и греческом и куча иллюстраций, даже лупа прилагается, чтобы детали рассматривать. И цена пристойная, если перевести из драхм на понятную валюту, то получается около тридцати долларов. Такое не стыдно подарить.

– Ты предлагаешь смотаться за подарком в Афины? – скептически усмехнулся Павел. – Одни билеты встанут как двадцать таких подарков, хотя, конечно, ради родной матушки...

– Балда, – засмеялась Ольга, – Лариса сейчас в Афинах, возвращается через два дня. Если нам удастся ее отловить по телефону, то проблему мы, считай, решили. И мы, таким образом, плавно подведем семейную общественность к следующему дню рождения. Ну скажи, что я не гений, вот только попробуй скажи, я тебе ухо откушу.

– Ты гений, – очень серьезно ответил Павел, целуя ей руку. – И что бы я без тебя делал?

В этом году матери Павла исполнилось пятьдесят девять лет, а на шестидесятилетие он задумал подарить ей поездку в Израиль, где у Елены Федоровны было множество друзей, с которыми ей давно хотелось повидаться. Финансовые возможности для такой поездки у матери

были, но она, как часто бывает, все время откладывала вояж, находя, что есть дела поважнее, чем посещение друзей. Работа, муж, дети, внучка, дача, две собаки – все это требовало ее неусыпного внимания и никак не могло обойтись без ее участия. Насколько помнила Ольга, разговоры о поездке в Израиль велись на протяжении последних как минимум десяти лет, Елена Федоровна регулярно созванивалась со своими друзьями в Иерусалиме и Тель-Авиве, но поехать так и не собралась. А вот если положить перед ней билеты и паспорт с уже оформленной визой, тогда совсем другое дело. Елена Федоровна с уважением относилась к усилиям, затрачиваемым ради нее другими людьми. В такой ситуации она поехала бы, даже если бы ей там совершенно нечего было делать.

Ольга легко соскочила с дивана, на котором еще две минуты назад едва не заснула, и кинулась искать записную книжку с номером телефона приятельницы. Ей повезло, Лариса не расставалась с мобильным телефоном даже в ванной, где, собственно, и застал ее звонок Ольги.

– Ты не помнишь, в каком магазине ты видела книгу? – спросила она деловито.

– На центральной улице, магазин Патакиса.

– Найду, – пообещала Лариса.

– Когда ты прилетаешь?

– В субботу.

– Мы с Пашей тебя встретим.

Повесив трубку, Ольга облегченно вздохнула:

– Ну вот, проблема решена. А ты боялся!

Она снова подошла к зеркалу и, горестно покачивая головой, приподняла полу халата, чтобы еще раз полюбоваться следами неудавшегося любовного свидания.

– Ну почему мне так не везет! – простонала она, проводя пальцами по раздраженной коже.

Павел тоже встал и сладко потянулся.

– Да брось, Лёлька, к утру будешь как новенькая. Что у тебя на службе хорошего?

Ольга скорчила страшную мину и вытянула вперед руки со скрюченными пальцами.

– Праздник идет в наш кишлак, – протянула она загробным голосом. – К нам едет ревизор. По-нынешнему – аудитор. Народ подпрыгивает от страха.

– А ты?

– А я нет.

– Ты же зам главного бухгалтера, неужели не боишься?

– В том-то и дело, Павлуша, что я зам главного бухгалтера. Только главбух и я знаем, что у нас все в порядке, поэтому бояться нечего. А все остальные – они же в бухгалтерии ничего не понимают, им всем кажется, что у нас обязательно что-то накроет. Даже генеральный с лица сбледнул, по десять раз на день дергает нас и спрашивает, готовы ли мы к проверке. Всё, я проснулась окончательно. Пошли ужинать.

Ольга быстро приготовила еду и накрыла на стол, она двигалась легко и ловко, и Павел невольно залюбовался ее гибкой изящной фигурой.

– Что будем с отпуском делать? – спросил он, закончив есть и заваривая чай. – У меня сентябрь и кусочек августа.

– А у меня, наоборот, весь август и кусочек сентября, – откликнулась Ольга. – Две недельки выкроим, чтобы съездить куда-нибудь вместе, а остальное – по личному плану. У тебя есть конкретные предложения?

– Конкретных нет, но поплавать хочется и на песочке поваляться, кости погреть.

– Тогда Испания отпадает, эта страна – для активного отдыха, там не поваляешься, пляжи хуже, чем в Сочи, – сказала она, наморщив нос. – В Испанию хорошо ехать с любовником, когда романтизм еще в крови играет. Взять машину напрокат и ездить по разным городам. Для

нас такое не подходит. Мы с тобой уже старенькие, нам надо что-то поспокойнее. Может, на юг Франции махнем?

– А что, – оживился Павел, – хорошая мысль. Помнишь, как там славно было? Вели тихое растительное существование, отель – пляж, пляж – отель. Ты, правда, все на дискотеки какие-то рвалась, а я тебя удерживал изо всех сил.

– Ну, Павлуша, – рассмеялась Ольга, – в те времена я была существенно моложе. Теперь я постарела и не буду никуда рваться, обещаю.

– С твоей стороны весьма бестактно напоминать мне о возрасте. Мы все-таки в один день родились, не забывай. А я себя считаю еще вполне молодежачим типом. Лёлька, у нас сегодня кто по графику посуду моет?

– А сегодня какой день, четный или нечетный? – спросила Ольга, сосредоточенно наморщив лоб.

– Сегодня среда.

– Тогда ты.

Она составила грязные тарелки в раковину и вдруг возмущенно всплеснула руками.

– Ах ты хитрюга! Так вот почему ты предлагал пойти в ресторан! А еще наивным прикидывался, про романтический порыв что-то плел, притворялся, что не помнишь, кому посуду сегодня мыть! Пашка, я тебя знаю столько, сколько на свете живу, не пытайся меня провести.

Павел покорно повязал передник и взял в руки губку.

– Ладно, – со вздохом пообещал он, – не буду пытаться.

После ужина они посмотрели по телевизору французский фильм и разошлись по своим комнатам спать.

– Лёлька, – сказал на прощание Павел, целуя Ольгу в щеку, – ты самая лучшая женщина на свете. Все мои бабы мизинца твоего не стоят. Когда-нибудь я напишу трактат на тему о том, что такое настоящая любовь.

«Что такое настоящая любовь? – мысленно спрашивала себя Ольга, постепенно проваливаясь в мягкий уютный сон. – Пашка счастливый, он уже знает это. А я, дурочка, все ищу что-то, все перебираю, выбираю...»

* * *

Середина июля неотвратимо надвигалась, до крайнего срока уплаты налогов оставалось всего полтора месяца, а Чистякову так и не удалось собрать нужную сумму. В январе он честно пришел в налоговую инспекцию и подал декларацию о доходах в размере сорока шести тысяч долларов. Ему насчитали такую сумму налога, что впору было идти и вешаться: все эти сорок шесть тысяч за небольшим исключением поступили от зарубежных университетов и издательств на валютный счет Чистякова в «Инкомбанке», который благополучно лишился лицензии и не выдал доверчивым вкладчикам ни копейки. Всю осень, зиму и весну Настя и Алексей жили в режиме жесточайшей экономии, отказывая себе порой даже в необходимом. Чистяков хватался за любые предложения прочитать платные лекции, Настя же, не имея никакой возможности подрабатывать, вносила посильный вклад в общее дело тем, что перешла на более дешевые сигареты и отвратительный кофе, который стоил существенно меньше, нежели ее любимый «Капитан Колумб». Они очень, очень старались, но все равно...

На 1 июня до необходимой суммы им не хватало 90 тысяч рублей, что в переводе на общепонятный валютный язык означало 4000 долларов. И где ж взять такую сумму обычному старшему оперу с Петровки, 38, и профессору, служащему в госучреждении? Вопрос, ответа не имеющий.

Настя с мужем готовились к последнему отчаянному рывку. Сегодня полковник Гордеев пообещал отпустить Настю в отпуск с 10 июня, и она уже успела позвонить в издательство, где

обычно подрабатывала переводчиком во время отпусков. Чистяков тоже взял отпуск и собирался заняться репетиторством, готовя абитуриентов к вступительным экзаменам по физике и математике.

– Лешик, ура! – закричала Настя, врываясь в квартиру. – Колобок меня отпустил!

– Ну слава богу, – облегченно вздохнул Алексей. – А в издательство ты звонила?

– Конечно. Они обещали сегодня-завтра перезвонить мне и сказать, какая есть работа.

Лучше бы нашлось что-нибудь французское, все-таки я этот язык лучше знаю, но в крайнем случае возьмусь за английскую книжку или за итальянскую. А как твои успехи?

– Пока никак, но информацию я запустил, будем ждать, когда она принесет свои плоды.

Алексей забрал у нее сумку и невольно охнул:

– Господи, Ася, что у тебя там? Ты стащила со стройки вагон кирпичей?

– Словари купила. Когда Колобок милостиво соизволил удовлетворить мою нижайшую просьбу об отпуске в нарушение графика, я на радостях помчалась в книжный магазин посмотреть новые издания всяких полезных словарей. Ну и купила, разумеется, не смогла удержаться.

– Дорогие? – подозрительно спросил Чистяков, с грохотом ставя сумку на пол.

– Ну, Леш... – заныла Настя, – ну это же для работы.

– Мотовка, – с улыбкой сказал он, – пользуешься тем, что я не могу на тебя сердиться.

Будем ужинать или сначала в душ полезешь?

– В душ, – проворчала она, раздеваясь. – Глаза б мои этот душ не видели.

В этом Настя Каменская была права, ванная комната действительно глаз не радовала. Затеянный год назад ремонт был приостановлен, едва начавшись, в связи с приснопамятным 17 августа. Еще полгода после этого посреди квартиры громоздились залежи строительных и отделочных материалов, купленных заранее, но так и не использованных в связи с отсутствием денег на продолжение ремонта, а также с необходимостью откладывать каждую копейку на уплату налогов. От финансовой помощи Настиного брата Александра они категорически отказались, и после нескольких безуспешных попыток всучить им деньги на ремонт Саша явочным порядком пригнал грузовичок с рабочими и вывез весь этот строительный Монблан за город, к себе на дачу. Теперь в квартире можно было свободно поворачиваться, не рискуя что-нибудь развалить или упасть и разбить лоб. Однако сама по себе квартира, подготовленная для несостоявшегося ремонта, производила удручающее впечатление. Ободранные обои и снятая со стен в ванной плитка наводили смутные ассоциации с ветхими домами «под снос», с нищетой, неряшливостью и беспросветностью. Впрочем, надо заметить, что и Настя, и ее муж к такому положению вещей в конце концов привыкли и уже не так остро реагировали на все эти безобразия, тем более что кухню отремонтировать и обставить новой мебелью они все-таки успели. Конечно, гостей в такое разоренное гнездо приглашать нельзя, но с этим вполне можно смириться. Родственники и друзья отнесутся с пониманием, их можно не стесняться, деньги во время кризиса пропали у всех, а людей не столь близких в этой квартире и так почти не бывает. Правда, Алексей собрался давать частные уроки, и сюда придется приглашать учеников...

– Лешик, как же мы сюда людей приглашать будем, а? – грустно спросила Настя, выходя из ванной. – Стыдно же. Профессор, почетный академик, а живешь в таком кошмаре.

– Не комплексуй, – беззаботно откликнулся Алексей, – самое главное – не стесняться. Когда человек стесняется, другие сразу это замечают и начинают присматриваться: а что это такого в нем есть неправильного, порочного, что он так стесняется этого? Я буду вести себя как король на именинах и небрежным тоном всем объяснять, что у меня идет ремонт. Само собой разумеется, что, когда в квартире идет ремонт, она не может быть похожа на царские покои. Окрошку будешь?

Настя уселась на кухне за стол и с наслаждением вытянула отекавшие за день ноги.

– Буду, – сладко протянула она. – Холодная окрошка в такую погоду – это предел мечтаний. Леш, как ты думаешь, в этом году повторится прошлогодний ужас в смысле жары?

– Да все к тому идет, – кивнул он. – Синоптики обещают всю следующую неделю больше тридцати градусов. Аська, я чувствую себя таким виноватым, все нормальные люди во время отпуска ездят куда-нибудь на море или вообще на природу, а ты из-за моих чертовых гонимых вынуждена будешь сидеть в Москве. Но если мы выберемся из этой истории с налогами, я тебе клятвенно обещаю – мы поедем туда, где теплое море, горячий песок и прохладный ветер. Ты мне веришь?

– Верю, – улыбнулась Настя, – только когда это будет? Отпуск за этот год мы используем сейчас, а до следующего лета еще дожить надо. Тем более, не забывай, меня Колобок отпустил в нарушение графика, и в следующем году я буду отдыхать когда угодно, только не летом. Так что ты можешь давать сегодня любые обещания, время их выполнения наступит еще ох как не скоро. Может, пообещаешь мне бразильский карнавал?

Алексей изумленно взглянул на нее и отставил пустую тарелку.

– А ты хочешь в Бразилию на карнавал? Вот не думал, что у моей супруги такие амбиции...

– Нет, на карнавал не хочу, не люблю шумную толпу. И в Бразилию не хочу, лететь долго. Но спросить-то можно?

– Спрашивайте – отвечаем, – отшутился он.

После ужина Настя уткнулась в купленные словари, радостно предвкушая и работу над переводом, и то неоспоримое преимущество отпуска, которое позволяет не вскакивать по будильнику в половине седьмого утра. Однако ее ждало разочарование. Звонок от редактора издательства лишил ее доброй половины радужных иллюзий.

– Очень жаль, но на ближайшие два месяца переводчики не нужны. Все книги уже распределены, но если осенью...

– Нет, у меня отпуск сейчас. Спасибо, извините, что побеспокоила.

Настя повесила трубку и уныло уткнулась глазами в ставший ненужным словарь.

– Сама виновата, – угрюмо сказала она Алексею, – такие работы планируются заранее, надо было еще в марте договариваться.

– Но ты же не знала наверняка, отпустит ли тебя начальник, – принялся утешать ее Чистяков. – И потом, в марте мы еще надеялись, что наберем денег. Не кори себя, Асенька, мы справились. Зато выплывешь как следует и отдохнешь.

Настя захлопнула словарь и решительно тряхнула головой.

– Нет, так не пойдет. Мы семья или соседи по коммуналке? Я тоже буду репетитором, зря, что ли, пять языков в голове таскаю? Они там так и валяются без надобности, протухают и покрываются пылью.

– А что? – оживился муж. – Идея богатая.

* * *

В приемной было прохладно и тихо, после семи вечера суета, царящая здесь днем, казалась выдуманной или приснившейся. Огромные часы на стене показывали без десяти восемь. Женя терпеливо ждала. Скоро распахнется обитая кожей дверь, выйдет отец и повезет ее домой.

Женя подошла к высокому, в человеческий рост, зеркалу. Господи, как противно ей видеть свое отражение! Уродливый серый костюм с белой блузкой, чудовищные немодные туфли с тупым носком и на низких широких каблуках. Лицо без косметики, блеклое и невыразительное. Длинные темные волосы заплетены в толстую косу. И, что самое ужасное, дурацкие белые носочки. Ну почему, почему она должна так выглядеть? Почему отец заставляет ее одеваться и причесываться именно так, словно ей тринадцать лет? Тиран! Садист! Но она ничего не может с этим сделать, она от него полностью зависит, ведь он содержит ее, у нее нет

собственных денег, чтобы покупать себе стильную современную одежду и выглядеть стильной современной девушкой. Она не может перечить отцу, она может только робко просить, получая в ответ, разумеется, категорические отказы.

Женя не услышала, как за ее спиной открылась дверь, и очнулась только тогда, когда прямо над ухом прогремел голос отца:

– Что ты там разглядываешь? Тебе еще рано крутиться перед зеркалом.

Она неловко повернулась, задев бедром угол стола, сморщилась от внезапной боли и залилась краской.

– Слоненок, – недовольно бросил отец. – Собирайся, едем домой.

Женя торопливо схватила сумочку и покорно пошла следом за ним.

* * *

День не задался с самого утра. Слова, написанные на объявлении, наклеенном на двери подъезда еще неделю назад, обрели свое реальное воплощение – с понедельника отключили горячую воду. В метро что-то случилось, поезд простоял в тоннеле на перегоне между «Семеновской» и «Электrozаводской» целых двадцать пять минут, из-за чего Настя вынуждена была от станции «Чеховская» до здания на Петровке бежать бегом. Когда она ворвалась наконец в свой кабинет, выяснилось, что в открытую форточку за ночь налетело безумное количество тополиного пуха, который нагло расположился, собравшись в огромные комья, во всех углах и, что гораздо противнее, на всех поверхностях. Пух плавал в графине с водой и торчал в чашке, из которой Настя надеялась успеть выпить кофе до начала оперативного совещания. В отчаянии взглянув на часы, она поняла, что если идти в туалет менять воду в графине и мыть чашку, то кофе выпить она точно не успевает.

И в довершение всех бед полковник Гордеев обрушил на Настю пренеприятнейшее известие.

– Селуянов срочно откомандирован в главк и сегодня уезжает в составе бригады в Хабаровск. Это надолго, – заявил Колобок, не глядя на Настю. – Каменская, ты в отпуск пока не идешь, работать некому.

Это было ударом ниже пояса, но спорить с начальством в таких вопросах не принято. В самом деле, по графику у нее отпуск только в ноябре, Гордеев и так пошел на уступку, разрешив ей отдыхать в июне, но не всё в его власти. Не отдать Селуянова главку он не мог, еще двое сотрудников ушли в отпуск в июне в соответствии с графиком, и не отпускать их Виктор Алексеевич не считал возможным – у них дети-школьники, и провести с ними каникулы можно только летом. По заведенному в отделе правилу сотрудники, имеющие несовершеннолетних детей, уходили в отпуск летом хотя бы один раз в три года, не реже. Те двое имели на отпуск в июне полное право, в последний раз они проводили каникулы с детьми один – четыре года назад, другой – три. Получалось, что другого выхода у Гордеева не было, кроме как оставить на службе Каменскую.

Тяжко вздохнув, Настя решила примириться с обстоятельствами и попыталась включиться в обсуждение текущих дел, но получалось это у нее плохо. Все-таки мозги с самого утра были настроены на то, что осталось всего два дня, а со среды она – вольная птичка, вылетевшая на вольные заработки. Она искренне и горячо любила свою работу, но в данный момент проблема своевременной уплаты налогов казалась ей куда более важной. Если в положенный срок деньги не будут переведены на счет налоговой инспекции, начнет капать пени, по одной десятой процента в день, и не думайте, что это мало. Это три процента в месяц. Для состоятельных людей это, может, и ерунда, а для них с Чистяковым каждая копейка на счету.

Вместо того чтобы внимательно слушать начальника, Настя разглядывала коллег. Коротков стал хорошо выглядеть, после того, как умерла давно болевшая теща, они с женой пере-

ставили в квартире мебель и переоборудовали комнаты, теперь Юрке есть где выспаться после бессонных ночей. Да и обычные ночи стали спокойными, без постоянных криков тяжело больной женщины. У сына теперь есть своя комната, и он может приводить в гости друзей. Когда теща скончалась, Коротков занял у Насти семьсот долларов на похороны, было это в ноябре, как раз на День милиции. Отдать с тех пор сумел только триста, когда сможет вернуть остальное – неизвестно, а эти деньги сейчас очень не помешали бы. Но спрашивать Настя не станет, она точно знает, что Юра делает все, что может, чтобы вернуть долг.

Рядом с Коротковым восседает Мишаня Доценко, которого в отделе с некоторых пор называют не иначе как «наш жених». Прошлой осенью он познакомился наконец с Ирочкой Миловановой, родственницей Стасова, и твердо вознамерился жениться. В декабре Доценко собирался подавать заявление, чтобы зарегистрировать брак в апреле, сразу после Пасхи, и сотрудники отдела по борьбе с тяжкими преступлениями против личности уже радостно потирали руки, предвкушая обильный свадебный стол, однако ситуация, развивавшаяся молниеносно, в какой-то момент притормозилась. Ни в декабре, ни в январе заявление в загс подано не было, миновала Пасха, наступило лето, а воз и ныне там. Из всех подчиненных Гордеева Настя, пожалуй, единственная действительно понимала, что произошло.

Игорь Лесников... На него в последнее время смотреть больно. Почернел, глаза потухли и ввалились, стала заметна седина. Игорь всегда был замкнутым, о своих личных делах не распространялся, и что у него происходит – Настя не знала. Факт был налицо: из самого красивого сыщика на Петровке Лесников за какой-то месяц превратился чуть ли не в старика. Во всяком случае, именно таким видела его Настя.

В кабинете Гордеева было душно, поэтому, когда раздались долгожданные слова «Все свободны», сотрудники торопливо потянулись к двери. Придя к себе, Настя с брезгливой миной оглядела комнату и сделала неутешительный вывод о том, что борьбы с пухом все равно не избежать. Пол мыть она, понятное дело, не собирается, но протереть влажной тряпкой стол и компьютер необходимо, не говоря уж о графине с водой и чашках.

– Аська, кофеем выручишь? – послышался голос Короткова у нее за спиной.

– Так и быть, – обрадовалась она, – но не безвозмездно. Цена договорная. На вот тебе тряпочку, ее надо намочить под краном. Вот из этого графинчика надо вылить воду и налить свежую, а вот эти две чашечки надо помыть. В цене сойдемся?

Коротков в изумлении развел руками.

– Ну, мать, ты даешь! Тебе что, даже такую малость лень сделать? Для родного-то начальника?

– Во-первых, ты не целый начальник, а всего лишь зам, – отпарировала Настя. – А во-вторых, ваш мальчиковый туалет в двух шагах отсюда, а наш закрыт на ремонт, и мне, несчастной больной старухе, придется шлепать на третий этаж. Так что, Юрасик, не договоримся?

Юрий безнадежно махнул рукой.

– Ладно, давай сюда тряпку и посуду, что с тобой сделать.

Настя быстренько сунула ему тряпку, графин и чашки.

– Юрась, когда ты вернешься сюда, я тебе один умный вещь скажу, только ты не обижайся.

Пока Коротков отсутствовал, Настя, неловко нагнувшись, собрала с пола самые большие комья пуха, завернула их в бумажную салфетку и выбросила в корзину для мусора.

– Говори свой умный вещь, – потребовал Коротков, вернувшись с мокрой тряпкой, чистыми чашками и графином со свежей водой.

Настя налила воду в высокую керамическую кружку и включила кипятильник. На всякий случай убрав чашки подальше от Короткова, она сказала:

– Не хочешь выполнять мои дурацкие просьбы – имей свой кофе. Независимость – хорошая штука, ценная, но за нее надо платить. Как, впрочем, и за все в этой жизни. Не обиделся?

Юрий метнул на нее полный ярости взгляд и внезапно расхохотался.

– Чашечки прибрала от меня подальше? Это правильно, а то бы я их тут же об пол разбил. Нет, Настюха, не обижаюсь, потому что ты права на все сто. У меня знаешь почему кофе все время заканчивается? Потому что я тебя, дуру, люблю всем моим сыщицким сердцем, и мне приятно прийти к тебе и попить твоего кофейку из твоих красивых чашек. Чтобы я вот так вот уселся на стул, как падишах, откинулся, ногу на ногу положил, а ты бы мне наливала и подавала. А то сделаешь сам себе кофе и пьешь его в кабинете один, как сыч. Скучно! А поговорить?

– А ты ко мне со своей банкой приходи, – предложила Настя. – Кофе твой, вода, посуда и сахар – мои. Юр, мне кофе не жалко, ты же меня знаешь, я просто пытаюсь внести рациональное зерно в наши отношения, чтобы сделать тебя независимым от моей лени.

– Ничего ты не понимаешь! – фыркнул Коротков, разваливаясь на стуле в точном соответствии с только что обрисованной картиной. – Если я приду к тебе со своей банкой кофе, то совершенно очевидно, что я собираюсь потрепаться, а это в отношениях начальника и подчиненной недопустимо. А вот если я иду безо всего, то могу утешать себя мыслью, что я такой несчастный, измученный, устал от непосильных трудов по поимке бандюганов и мне срочно нужна чашка кофе, чтобы поддержать мои иссякающие силы, дабы я мог и далее нести вахту на страже порядка. Разницу усекла? И не спорь со мной, я старше по должности и по возрасту.

Он с явным удовольствием пил ароматный горячий кофе, как обычно, оттягивая тот момент, когда придется стать руководителем, погрузиться в повседневную работу и, что самое для Короткова неприятное, принимать решения. Здесь, в этом кабинете, где он провел много и тревожных, и мучительных, и радостных часов, Юрий еще мог чувствовать себя равным, таким же опером, как и все остальные. Чуть больше года прошло с того момента, когда его повысили в должности, назначив заместителем начальника отдела вместо ушедшего на пенсию полковника Жерехова. Год – срок немалый, и во многом Коротков успел привыкнуть к новому своему положению, но все равно ежедневно устраивал себе передышку, усаживаясь в Настин кабинетик и делая вид, что он «как все».

– Ты сегодня куда не собираешься убежать? – спросил он.

– Кажется, нет. Бумаг много, надо разобраться с ними. А что?

– Я скажу Люсе, чтобы она тебе позвонила, если меня не застанет, ладно? Мы хотели с ней вечером пойти куда-нибудь...

– Кстати, о Люсе, – перебила его Настя. – Я никоим образом не агитирую тебя за развод, но мне все-таки любопытно. Ты столько лет ждал, столько разговоров было о разводе, а что теперь?

Коротков помрачнел. Теперь он сидел не вальяжно, откинувшись на спинку стула, а сгорбившись и опираясь локтями о колени.

– Я сам не знаю, Ася. Я так хотел развестись, мне казалось, что, как только теща отмучается, у меня появится моральное право уйти от Ляльки. Понимаешь, пока ее мать болела, я не мог ее бросить одну с этим кошмаром.

– Это я понимаю. Но ведь ее матери больше нет. Ты с Люсей встречаешься, если память мне не изменяет, с девяносто второго года. Семь лет, Юра. Тебя что-то смущает? Или Люся не хочет разводиться со своим мужем?

– И Люся... – Он помолчал и выдохнул: – И я тоже. Ася, это трудно объяснить, но... Я не могу.

Настя молчала, ожидая продолжения. В общем-то, она была почти уверена, что знает, о чем пытается говорить Коротков. Но ей хотелось, чтобы он сказал это сам. Однако Юрий тоже молчал, надеясь, видимо, что она, как обычно, поможет ему репликой или вопросом.

– Ты понимаешь меня? – наконец спросил он, не дождавшись помощи.

– А ты сам себя понимаешь?

– Смутно. Я просто знаю, что не могу сказать Ляльке: всё, дорогая, пятнадцать лет совместной жизни насмарку, псу, можно сказать, под хвост, я от тебя ухожу. Не знаю, почему я не могу это сказать, но я не могу.

– Сказать тебе, почему?

– Скажи, – покорно кивнул Коротков, словно ему предлагали огласить приговор, который можно было бы и не оглашать.

– Именно потому, что пятнадцать лет совместной жизни. Из этого непреложного факта вытекает по меньшей мере два следствия. Первое: за пятнадцать лет было много всякого, последние лет десять, пока болела твоя теща, было, конечно, трудно, было невыносимо, было мучительно. И как бы ты к Ляльке ни относился, но это трудное, невыносимое и мучительное было вашим общим, вы его делили пополам. Вы его вместе пережили. На это не так просто наплевать, мой дорогой. Пока жива была теща, тебе казалось, что как только – так сразу, ты вздохнешь с облегчением и кинешься устраивать свою личную жизнь, а не тут-то было! Потому что личная жизнь – она именно личная, она включает в себя все твое нутро, твою душу, все твои переживания и страдания, а эти переживания и страдания связаны с Лялькой, а вовсе не с Людмилой. Этот тезис тебе понятен?

Юра молча кивнул.

– Второе следствие: за пятнадцать лет с Лялькой эта совместная жизнь стала твоим образом жизни. Нравится он тебе или нет – вопрос другой. Но это образ жизни. Менять его всегда тяжело, ты с ним сросся, сроднился, ты к нему привык, адаптировался в нем. А жить по-другому ты просто не умеешь. Поэтому и боишься.

– Ты думаешь, я напрасно боюсь? – вскинул голову Коротков. – Думаешь, надо решиться и порвать раз и навсегда?

– Нет, Юрочка, я так не думаю. Ни одной минуточки не думаю. Резкое изменение образа жизни может оказаться катастрофой и для тебя, и для твоей жены, и для Людмилы. Для всех, одним словом, кого затронет твой развод. Нужно очень тщательно все взвесить и попытаться понять, что будет со всеми вами, если ты решишься на этот шаг. В первую очередь – что будет с тобой. Я приведу тебе маленький пример, он не выдуманный, я знаю эту женщину. Она много лет назад развелась, но, пока искала возможность разъехаться с бывшим мужем, тот заболел. Рассеянный склероз. Такая, понимаешь, беда. И вот на протяжении семи лет она ухаживала за ним, переворачивала, меняла белье, вставала по ночам, подносила то попить, то поесть. Квартира вся пропахла лекарствами и мочой, и женщина эта все мечтала о том, что, если бы мужа, бывшего, заметить себе, не было, она бы хоть квартиру отремонтировала. У нее был возлюбленный, неженатый, готовый хоть сейчас вступить с ней в брак, но она не могла бросить своего больного бывшего мужа и бегала, как девчонка, на свидания. Наконец все случилось, несчастный отошел. И что ты думаешь? Она кинулась ремонтировать квартиру? Замуж побежала? Да ничего подобного! Она сидит и целыми днями плачет. Ей одиноко. Ей пусто. Ей не за кем больше ухаживать. Потому что за семь лет этот кошмар превратился в образ жизни, к которому, хорош он или плох, она адаптировалась, сжилась с ним. И выяснилось, что по-другому жить она не умеет и не хочет. Мысль ясна?

– Слушай, – Коротков внезапно улыбнулся, – ты что, о разводе подумываешь?

Настя изумленно посмотрела на него и даже сигарету выронила от неожиданности.

– Что за бред! С чего ты взял?

– А с того, мать, что уж больно у тебя стройная система аргументов, такая в один момент в спонтанном разговоре не рождается. Это нужно долго раздумывать, чтобы рассуждать так, как ты. Признавайся, ты разочаровалась в семейной жизни?

– Юрка, ты неисправим! Почему обязательно нужно учиться на собственной жизни? Можно делать выводы, наблюдая за другими.

– За мной, например? – сердито прищурился Юрий. – Нашла себе подопытного кролика?

– И за тобой, и за Ирочкой, которая никак за нашего Мишаню замуж не выйдет. Думаешь, она не хочет стать семейной дамой? Еще как хочет! Думаешь, ей Мишка не нравится? Нравится. Она его искренне любит. Но роль няньки в семействе Стасова стала ее образом жизни, и она, может быть, даже неосознанно, придумывает все новые и новые условия для их брака, только чтобы оттянуть свадьбу. Она боится, Юра. Она пытается придумать схему, при которой, став женой Мишки, она сможет сохранить прежний образ жизни. Для этого ей нужно, чтобы Мишка нашел возможность разменять квартиру, в которой он живет с мамой, на две однокомнатные, одна из которых должна быть непременно в доме Стасова, чтобы Иришка смогла продолжать нянчить маленького Гришеньку, готовить Стасову и Татьяне обеды и ужины и при этом быть хорошей женой Михаилу. Слушай, начальник, тебе не кажется, что мы ведем себя неприлично?

– Почему? – удивился Коротков. – Что мы такого делаем?

– Рабочий день в разгаре, а мы с тобой, вместо того чтобы дело делать, о душе рассуждаем. Я сегодня еще даже сводку не смотрела.

Он нехотя поднялся со стула и шагнул к двери.

– Книжек ты, Аська, неправильных начиталась, в которых сыщики днем и ночью бандитов ловят, как будто другой жизни у них нет. Что мы, не люди, что ли? Можно подумать, у нас переживаний нет.

– Есть, есть, – со смехом согласилась Настя. – Переживаний навалом. Кстати, о переживаниях. Ты не знаешь, что с Лесниковым случилось? На нем лица нет.

– С Лесниковым-то? – Юрий усмехнулся и открыл дверь в коридор. – А это получается «кстати о разводах».

– Да ты что! – ахнула она. – Не может быть! Все же знают, что Игорь свою жену обожает, и дочку тоже.

– Может, может. Ладно, труженица, пока.

Коротков прикрыл за собой дверь, оставив Настю наедине с сигаретой, непросмотренной сводкой о преступлениях за минувшие сутки и с чувством глубокой растерянности. Игорь Лесников! Ну надо же...

Глава 2

Ольга с удовольствием разглядывала себя в большом зеркале, висящем на стене в ванной. Она только что приняла прохладный душ, и каждая клеточка ее тела пела от легкости и счастья. Что ж, для своих тридцати двух лет она выглядит более чем хорошо, а три года назад, когда встретила Романа, ей больше девятнадцати-двадцати никто не давал. Даже многоопытный Роман попался, посчитал ее юной свистушкой и никакого внимания не обратил при первой встрече. Вернее, обратил, но обманулся ее девически изящной фигуркой и сразу решил для себя, что Ольга слишком молода для него. Зато потом был приятно удивлен, узнав, что ей уже двадцать девять и разница в возрасте между ними, стало быть, не так катастрофически велика, как он подумал вначале.

От созерцания себя в зеркале ее отвлек звон разбитого стекла. Быстро завернувшись в полотенце, она выглянула из ванной.

– Рома, что случилось?

– Я разбил очередной стакан, – с досадой ответил Роман. – Теперь их осталось всего два.

Он стоял рядом с открытой крышкой бара, на которой красовался один стакан, наполовину наполненный дорогим белым вином. Осколки второго стакана сверкали на полу, отражая лучи заходящего солнца.

– Не расстраивайся, – улыбнулась Ольга, – новые купим. Подумаешь, проблема.

– Они мне очень нравились, – виновато произнес Роман, – и потом, ты мне подарила их на позапрошлый Новый год, помнишь? Это твой подарок, и я к нему отношусь по-особенному.

Ольга звонко расхохоталась, крепко обняла его и ласково поцеловала в губы.

– Слушай, нельзя в твоем возрасте быть таким сентиментальным. Это не первый и не последний мой подарок тебе. В конце концов, стеклянная посуда всегда бьется, на то она и стеклянная. Ну не расстраивайся, дорогой мой, я тебя прошу. Хочешь, я пойду и куплю точно такие же?

Роман нежно погладил ее по обнаженным плечам, взял наполненный стакан и протянул Ольге.

– Выпей глоточек, очень приятное вино. Стаканы действительно надо купить новые, но мы с тобой сделаем это... Скорее всего в субботу. Или в воскресенье, зависит от того, как у меня дела пойдут. Пока ты принимала душ, я обзрел кухонные шкафы и пришел к выводу, что мы с тобой давно не ездили за хозяйственными покупками. Кофейных зерен осталось на доньшке, и кофемолка, если ты заметила, барахлит, нужно новую купить. О стаканах я уже не говорю, но все запасы для ванной тоже заканчиваются, я сегодня извел последние остатки геля для душа, того, моего любимого, с розмарином.

– Да, – оживленно подхватила Ольга, – и давай купим новую посуду, ладно, Рома? Мне надоели эти дурацкие коричневые тарелки, я их уже видеть не могу.

– Когда-то они тебе нравились, – с усмешкой заметил он, – я же помню, как ты уговаривала меня купить именно этот французский сервиз.

– Ну, вспомнил, – капризно протянула она, – когда мы это покупали, французская посуда была в моде. Тогда по этим коричневым и черным сервизам все с ума сходили.

– Да? А теперь что у нас в моде?

– Туманный Альбион. Светлая керамика с голубым или зеленым рисунком. И цветное однотонное матовое стекло. Между прочим, небьющееся. Купим?

– Уговорила. Посмотри еще по всем шкафам, прикинь, что нам нужно, в эти выходные обязательно выберемся в магазины.

– Рома, а можно мне хотеть новые полотенца?

Он забрал у нее стакан и залпом допил светлое вино.

– Ты можешь хотеть все, что угодно, милая, ты же знаешь, что я тебе никогда ни в чем не отказываю.

Ольга с нежностью смотрела на него и думала о том, как удивительно хорошо ей с этим человеком. Спокойно, надежно, без проблем. Он мягкий и щедрый, решительный, но не жесткий. Во всяком случае, с ней. И он превосходный партнер в постели, ни разу за три года у нее не возникло побуждения уклониться от секса, приносившего ей радость. Интересно, сколько еще лет они будут вместе? До глубокой старости? Или Роман через какое-то время увлечется кем-нибудь помоложе и оставит ее? Все может быть...

Ольга Плетнева всегда была реалисткой. Или по крайней мере старалась оставаться таковой.

* * *

Рано вставать Настя Каменская не любила. Правда, это вовсе не означало, что она могла себе позволять поспать подольше. Вся ее сознательная жизнь прошла под знаком жесткой необходимости просыпаться по будильнику: детский сад, школа, университет, служба в милиции – все это требовало раннего подъема и явки к указанному часу без опозданий. Из тридцати девяти прожитых лет в этом режиме она просуществовала тридцать шесть, но так и не привыкла. Однако нынешняя жара, перекрывшая, по утверждениям синоптиков, все показатели за сто восемнадцать лет наблюдений, заставила Настю приспосабливаться. Она теперь вставала еще раньше, чем обычно, чтобы успеть выйти из дома и добраться до работы, пока на градуснике еще плюс двадцать шесть–двадцать семь, ибо в тридцать, да в метро, да в час пик, да с пересадками... Такое ей уже не потянуть.

Стараясь ступать на цыпочках, чтобы не разбудить Лешу, она выскользнула из комнаты и нырнула в ванну. «Странная все-таки у меня логика, – подумала Настя, залезая под холодный душ, чтобы смыть с себя сонную одурь. – Ведь звенел будильник. Громко звенел. И долго. Лешка так и так должен был проснуться, он же не глухой. А если не проснулся, значит, спит так крепко, что можно топтать у него над ухом коваными сапогами, его это не потревожит. Ведь очевидная же вещь, и все равно изо дня в день я изо всех сил стараюсь не шуметь после того, как истерически прозвенит будильник. И подозреваю, что не я одна такая».

Выйдя из ванной, она неожиданно решила проверить свою догадку.

– Леша, ты спишь? – шепотом спросила она, заглянув в комнату.

– Естественно, нет, – в полный голос ответил Чистяков, не открывая глаз.

– А зачем придуливаешься, что спишь?

– Чтобы не мешать тебе вкушать утренний кофий.

– И вчера не спал?

– Не спал, – подтвердил он.

– И позавчера?

– Ася, после твоего громогласного будильника трудно уснуть, у меня от него начинается тахикардия. Ты хочешь, чтобы я встал?

– Нет-нет, лежи, пожалуйста. Я просто так...

Чистяков откинул простыню, которую по причине жары использовал вместо одеяла, и медленно спустил ноги на пол.

– Знаю я твое «просто так», – произнес он, сладко зевая, – небось хочешь, чтобы я тебе завтрак приготовил.

– Ага, знаю я твое благородство, – шутливо передразнила его Настя, – небось сам есть хочешь и не можешь дождаться, когда же я наконец уйду и предоставлю тебе возможность бесконтрольно набивать желудок. Ты только прикидываешься бескорыстным, а на самом деле ты еще более корыстный, чем я.

Натянув шорты, Алексей отправился умываться, потом вышел на кухню и огляделся.

– Что тебе сделать? Хочешь, овсянку сварю?

– Овсянку?! – Настя в ужасе вытаращила глаза. – Ни за что! Как тебе в голову такое пришло? Я ее терпеть не могу! Гадость!

– Ну и зря, – миролюбиво заметил муж. – Полезно для здоровья. А чего ты хочешь?

– Лешенька, я же, кроме кофе и сока, ничего по утрам не могу в себя запихнуть, я тебе тысячу раз говорила, а ты так и не запомнил. Стыдно, профессор.

Чистяков усмехнулся и полез в холодильник за овощами.

– Я на память не жалею, но каждый раз лелею надежду, что ты наконец изменишься и начнешь по-человечески завтракать. Вот и сегодня понадеялся, да, видно, зря.

– А с чего это мне меняться? – подозрительно спросила она. – Я тебя перестала устраивать?

– Пока нет, но нужно стремиться к совершенству. Салат будешь?

– Лешка, прекрати издеваться, я ничего не буду, я уже кофе себе наливаю.

Настя насыпала в большую чашку растворимый кофе, подумала пару секунд и добавила еще ложку. Очень спать хочется, пусть кофе будет покрепче. Алексей быстро и ловко нарезал овощи и зелень и уселся за стол с солидной порцией салата, когда Настя едва-едва успела выпить полчашки.

– Ася, сколько отсюда добираться до Мосфильмовской улицы, не знаешь случайно?

Настя подняла на мужа удивленные глаза.

– Случайно знаю, там пару лет назад один киллер скрывался, а мы его вылавливали. Добираться долго и неудобно. А тебе туда нужно по делам?

– Еще не знаю.

– Как это?

– Не решил пока. Понимаешь, мне предложили позаниматься с отпрыском какого-то навороченного бизнесмена, подготовить его к вступительным экзаменам, но с условием, что я буду приезжать к нему домой, а не он ко мне. Вот я и размышляю, братья или нет.

– Этот отпрыск – инвалид и не выходит из дома? – спросила она.

– Да нет, вполне здоров.

– Тогда не братья, – отрезала Настя, не раздумывая ни секунды.

– А деньги, между прочим, предлагают хорошие, – заметил невозмутимо Алексей, методично пережевывая овощи. – Ты не забывай, что я занялся репетиторством не из любви к преподавательскому искусству, а исключительно ради денег.

– Все равно не братья. Если ученик требует, чтобы учитель ездил к нему домой, то такой ученик учителя ни в грош не ставит и ни на копейку не уважает. С тобой там будут обращаться как с холопом, которому сделали одолжение и позволили заработать, так уж и быть, немножко денежек. Оно тебе надо?

– А денежки? – прищурился Чистяков. – Они же нужны, ты с этим спорить не можешь.

– Леш, чувство собственного достоинства нужно еще больше, с этим тоже спорить нельзя.

– А я и не спорю. Я помогаю тебе проснуться, доверчивая ты моя.

– Почему это я доверчивая? – не поняла Настя.

– Потому что ты искренне поверила, будто я размышляю над этим предложением. Смотри, как ты возбудилась, даже глазки заблестели! Чего и требовалось добиться. А то сидела как мороженный судак.

– Так!

Настя со стуком опустила на стол чашку с недопитым кофе и потянулась за сигаретами.

– Значит, никакого предложения не было?

– Ну почему? Предложение было.

– И что ты ответил?

– Асенька, мы с тобой знакомы двадцать четыре года без нескольких месяцев. Неужели тебе нужны мои объяснения на этот счет?

– Ну слава богу, – облегченно вздохнула Настя. – Но ты все-таки мерзавец, Чистяков. Меня, подполковника милиции, и так задешево прикупить!

– Так это не я мерзавец, – засмеялся он, – а ты дурочка.

– Вообще-то верно...

Настя посмотрела на часы и вскочила.

– Лешик, я пойду, пока народ не выполз на оперативные просторы. В семь утра в метро еще можно ездить, а в восемь – лучше сразу удавиться. Целую страстно, приду поздно.

– Валяй, – кивнул Алексей, – у меня в девятнадцать часов последний ученик, так что раньше двадцати одного можешь не являться.

– А первый когда?

– В девять утра. Благодаря твоему зверскому будильнику я выгадал себе два часа, чтобы поработать над докладом.

Уловив тень недоумения, мелькнувшую на ее лице, Алексей добавил:

– Напоминаю, если ты забыла: в сентябре я лечу в Хельсинки на симпозиум.

– Это я помню, но ведь сейчас только середина июня...

– Опять же напоминаю, если ты забыла: до середины июля мы колотимся над решением проблемы налогов, двадцатого июля приезжает двоюродная сестра моей матушки, немолодая и весьма нездоровая дама, которую надо будет возить по врачам и пристраивать на операцию, а потом навещать в больнице и забирать оттуда и отправлять домой, а в середине августа я обещал отцу помочь с ремонтом дачи и выделить на это мероприятие две недели. После этого сентябрь наступит как-то уж очень быстро, так что лучше подготовиться заранее.

– Да, про дачу я запомнила, – извиняющимся тоном пробормотала Настя. – Всё, солнышко, я ушла.

Она успела добраться до работы до того, как солнце начало припекать вовсю. На свежую голову Насте удалось переделать массу полезной работы по приведению в порядок документов, касающихся текущих дел, а также материалов для аналитических справок о состоянии насильственной преступности в городе. Она уже приготовилась ровно в десять часов явиться в кабинет полковника Гордеева на оперативное совещание, когда к ней заглянул Коротков.

– Отбой воздушной тревоги, – весело сообщил он, – Колобка срочно вызывают в главк, оперативки не будет. Можешь расслабиться и покурить.

Настя ничего не успела ответить, когда дверь распахнулась и появился Виктор Алексеевич собственной персоной.

– Ну конечно, – проворчал он, – кот из дому – мыши в пляс. Уже свободе радуется? Сядь, Юра, разговор есть.

Коротков обреченно вздохнул и присел на подоконник – свободный стул в Настиной комнатке был только один, и предназначался он в данном случае, разумеется, начальнику.

– У меня к вам два поручения, приятное и неприятное. С какого начать?

– Давайте с неприятного начнем, – предложила Настя, – уж сразу отмучаемся.

– Ну, как скажешь... – Гордеев помолчал несколько секунд, переводя глаза с Насти на Короткова и обратно. – В общем, так, дети мои. С Лесниковым у нас неладно. Мне стало известно, что от него уходит жена. Вы и сами, наверное, об этом знаете. Я хочу, чтобы кто-то из вас, а лучше оба попробовали с ней поговорить.

– О чем? – удивилась Настя. – Я не понимаю, о чем с ней можно в такой ситуации разговаривать. Если она больше не хочет с ним жить, то она этого не хочет, и все. Какие разговоры тут могут помочь?

– Молодая ты еще, – покачал головой Гордеев, – в жизни не разбираешься. Тебе с мужем повезло, так ты теперь всех на себя равняешь. Вот ответь мне, почему от оперов жены уходят?

– Потому что больше их не любят, – быстро ответила Настя.

– А еще почему?

– Потому что опера им изменяют.

– А еще?

Она запнулась. В самом деле, разве есть еще какие-то причины, по которым жена уходит от мужа? Или она перестает его любить, или он ее, других вариантов нет.

– Вот видишь!

Гордеев слегка наклонился вперед, отчего стул под его массивным телом угрожающе скрипнул, и вперил в Настю пухлый указательный палец.

– А я тебе скажу, девочка моя, что жены от нас, оперативников, зачастую уходят потому, что не понимают нашей работы, специфики ее не понимают. Работа-то у нас поганая, сама ведь знаешь, а если не знаешь, ты вон у дружка своего душевного Короткова спроси, как его дражайшая половина на все наши прелести реагирует. Или у любимого своего коллеги Коли Селуянова поспрошай, почему от него первая жена ушла. Опер дамочку разрабатывает, в ресторан ее тащит, вальсы с тангами всякими с ней отплясывает, к груди, можно сказать, прижимает, ну и шампанского с рюмочкой коньячку принимает, а как же иначе, он же не мент для этой дамочки, а кавалер. И вот после такого вечера он, проводив дамочку до места дислокации, является домой в час ночи, от него пахнет коньяком и чужими духами. Понравится это нормальной жене? Да ни в жизнь. Скажешь, это вопрос доверия?

– Скажу, – согласилась Настя.

– Правильно, но только в том случае, если жена специфику работы понимает. А если не понимает? Жена к маме на блины или на именины всей семьей собралась, ребенка нарядила, себе прическу сделала, маникюр наладила, мужу рубашку погладила. И за пять минут до выхода, в воскресный, заметь себе, день муж ей сообщает, что ему срочно нужно на работу и что в гости она должна будет идти одна, да еще и на городском транспорте, поскольку отвезти ее он не сможет. Понравится ей? В первый раз стерпит, во второй тоже, а в третий взорвется. В отпуск вместе уедут, планов понастроят, а мужа на третий день отзовут на службу. А то и пропадет муженек на несколько дней или недель, скажет, дескать, не волнуйся, родная, я в командировку, когда вернусь – не знаю, куда еду – не скажу, звонить не буду, жди и надейся уж как-нибудь сама. Уедет он, а жена то и дело прикидывает, действительно ли он работу работает или в койке где-нибудь валяется с другой женщиной. Позвонить-то некуда, да и не проверишь. Доверие доверием, но долго испытывать его нельзя, оно подрывается довольно-таки быстро. Мало найдется жен, которые все это понимают и выходят за нас замуж с открытыми глазами. Большинство даже не подозревает, какой это ад, какой это ежедневный экзамен – быть женой сыскаря. Не выдерживают и уходят они от своих мужей. Любят их, а жить такой жизнью больше не могут. Вот на такой случай я и прошу вас, дети мои, поговорить с женой Лесникова. Конечно, если она к другому уходит, то вопросов нет. Но если их брак еще можно спасти, то мы должны кинуться все вместе и спасать. Потому что смотреть на Игоря я больше не могу, у меня сердце разрывается. Мало того, что мне чисто по-человечески парня жалко, но и как начальник я не могу мириться с тем, что теряю подчиненного. В таком состоянии Лесников не работник, а обуза. Я даже поручить ему ничего не могу, потому что все равно запрет. Даю ему какие-то несерьезные задания, а все, что чуть посложнее, на вас всех валится.

– Да, но почему я, Виктор Алексеевич? – возмутился Коротков. – Я что, Игорю лучший друг, что ли? Чего вы из меня крайнего-то делаете?

Гордеев медленно повернулся вместе со стулом, теперь он сидел лицом к окну и в упор разглядывал своего заместителя.

– Ты не крайний, Юрий Викторович, ты второй. После меня. Понятно? И делать будешь, что я прикажу. А что касается лучшего друга, так у Лесникова, насколько я информирован, в нашем отделе их вообще нет, он ни с кем не сближается и ни с кем особо не откровенничает.

Так что ты ли, другой ли – разницы нет. А ты как-никак ему начальник, для жены это должно кое-что значить.

– Ну ладно, – сдался Юра, – а Аську зачем пристегивать?

– А для компании, чтобы тебе не скучно было. Но мне нравится, что ты кинулся ее защищать, это означает, что в тебе медленно, но верно прорастает руководитель, который всегда прикрывает своих подчиненных перед вышестоящим начальником. Молодец, на сегодня тебе ставлю пятерку. Все, дети мои, дискуссия окончена. Я дал задание, выполняйте. Приступаем ко второй части.

– К приятной? – оживился Коротков. – Ну наконец-то!

Гордеев упруго поднялся со стула и легким движением ноги отодвинул его к стене.

– Вчера, дети мои, был обнаружен труп некоего довольно молодого господина Курбанова. Ничего особенного в этом господине нет, заниматься им начали на территории. И очень быстро выяснилось, что несколько недель назад на совершенно другой территории был убит другой господин по фамилии Фризе, тоже не старый годами. И убиты оба этих господина оказались на следующий день после того, как побывали на концерте популярной среди молодежи рок-группы «Би-Би-Си». Вывод ясен и прост, как обычно: оба уголовных дела объединены у одного следователя, соответственно, оперативная работа ложится на нас с вами плюс ребята с территории, это само собой. Анастасия, ты старшая по этим убийствам, всякая там музыка и сфера высоких искусств – это как раз твоё любимое. Коротков, разберись с нагрузкой, когда вернись из министерства – жду твои предложения о том, кто еще работает с Каменской.

Гордеев развернулся и вышел. Юра с Настей какое-то время растерянно смотрели на закрывшуюся дверь, потом одновременно повернулись друг к другу.

– Слушай, я чего-то не понял, а что во всем этом приятного? – недоуменно спросил Коротков.

– Глупый ты, Юрка, хоть и замначальника, – улыбнулась Настя. – Во-первых, спасибо большое, что это всего лишь молодые мальчики, а не депутаты и не члены правительства. За них нас на ковер к генералу каждые полдня дергать не будут. А во-вторых, по сравнению с перспективой встречи с женой Лесникова даже расчлененка приятнее. Чего ты насупился, как будто тебя мама в угол поставила?

– Да я...

Коротков почесал щеку, сполз с подоконника и принялся растирать затекшую ногу.

– Черт, старость не радость, посидел двадцать минут неудобно – и вот, пожалуйста... Ася, я чего задумался-то... Фамилия мне эта знакома – Фризе. Он у нас по каким-то делам проходил, гадом буду, фамилия редкая, я ее хорошо помню.

Настя расхохоталась.

– Балда ты, Юрка! Детективов начитался в молодости, теперь у тебя в голове полная каша.

– При чем тут детективы?

– При том, что Фризе – это герой детективов одного питерского писателя, Сергея Высоцкого.

– Не свисти, – недоверчиво протянул Коротков, все еще морщась от боли в ноге, – у Высоцкого герой Игорь Корнилов, я пока еще из ума не выжил.

– Выжил немножко. Сначала был Корнилов, потом появился Фризе, у него еще невеста была Берта, высоченная баскетболистка. Ну, вспомнил?

– Точно, – охнул Коротков. – Теперь вспомнил. Ну все, полегчало. Значит, наш труп по фамилии Фризе – просто однофамилец. А я уж начал мозгами ворочать, думал, убили его по каким-то старым делам. Иногда приятно бывает обнаружить, что ошибаешься, верно?

– Верно. А ты еще удивлялся, не понимал, что во всем этом приятного. Вот тебе и приятное, босс.

– Типун тебе на язык, – буркнул Коротков. – И не смей называть меня боссом.

* * *

Если спросить у среднестатистической молодой девушки, какое слово в наибольшей степени будоражит ее воображение, то в девяноста восьми случаях из ста она ответит: любовь, жених, свадьба, прекрасный принц или что-то еще из этого же ряда. Однако Женя относилась как раз к тем особенным двум случаям, которые не укладывались в статистический ряд, ибо уже лет с двенадцати самым волшебным и загадочным, самым манящим и одновременно пугающим словом для нее было ТЮРЬМА. Будучи маленькой девочкой, она с дрожью и восторгом читала «Один день Ивана Денисовича», «Записки Серого Волка» и «Одлян, или Воздух свободы». Став постарше, Женя начала читать и документальную литературу, и публицистику, покупала видеокассеты с американскими фильмами о тюремных нравах. Отец этого увлечения не одобрял, но каждый раз отступал, услышав от дочери, что она собирается стать адвокатом и защищать права человека, лишенного свободы. Это звучало чем-то вроде идеологии будущей карьеры, и возразить тут было нечего. Если бы Женя сказала ему правду... Но правды она отцу уже давно не говорила.

Людям свойственно любить себя, и это нормально. Еще Карнеги в книгах тридцатилетней давности учил нас, что самым сладостным звуком для человека является его собственное имя. И что бы там ни говорили высокопарные литературоведы, самыми любимыми книгами становятся те, в которых человек читает о своей жизни и о героях, похожих на него самого. Именно поэтому Женю так привлекали книги о тюрьмах и вообще о местах лишения свободы.

Окна ее комнаты выходили на солнечную сторону, и от яркого света она проснулась, когда не было еще и половины седьмого. И тут же привычно потянулась за книгой. Пока отец не встал, можно перечитать в тысячный раз особо любимые страницы из романа Стивена Кинга «Побег из Шоушенка». Сколько же душевных сил нужно иметь, чтобы терпеливо отбывать срок за то, чего не совершал! И кропотливо, изо дня в день, годами, не торопясь и не впадая в отчаяние, готовить побег. Никогда, никогда не стать ей такой же сильной духом, умной и изворотливой, но можно хотя бы восхищаться теми, кто сумел стать таким.

В семь пятнадцать Женя встала и направилась в ванную. На утренний туалет ей полагалось четверть часа, после чего, ровно в половине восьмого, она освобождала ванную для отца и готовила завтрак, пока тот умывался и брился. С семи сорока пяти до восьми тридцати – завтрак и одевание, с восьми тридцати до восьми пятидесяти – дорога на работу. Еще десять минут отводилось на то, чтобы привести в порядок себя и рабочее место и приготовиться к трудовой вахте. И так изо дня в день.

– Значит, так, Евгения, – начал отец, усевшись за стол и налив себе кофе. – В этом году ты будешь отдыхать с первого июля.

Женя настороженно подняла голову, пытаясь не выдать радостного ожидания. Все-таки она уже не школьница, она работает, и, может быть, отец наконец перестанет считать ее ребенком и устроит нормальный отпуск, не детские каникулы, а именно отпуск. Возьмет ее с собой к морю или куда-нибудь в Европу, куда обычно ездит сам.

– Сначала мы с тобой поедem на машине в Петербург по радищевским местам, возьмешь тетрадку и будешь все записывать. Предварительно перечитаешь «Путешествие из Петербурга в Москву», и мы с тобой объедem все деревни, о которых писал Радищев. Потом поедem к дяде Севе на Жигулевское море, там отличная рыбалка.

– Папа, но я не люблю рыбалку, – робко возразила Женя, поняв, что надежды и на этот раз не сбылись. Впрочем, отпуск ведь большой, на поездку в Питер – максимум три дня, у дяди Севы – еще недельку, а оставшееся время? Может быть, отец предложит ей то, о чем она мечтает.

– А ты и не будешь сидеть с удочкой, никто тебя не заставляет. Рыбалка – это для меня. А ты возьмешь «Войну и мир», все четыре тома, и будешь читать.

– Но я уже читала, папа! Мы «Войну и мир» в школе проходили.

– Ничего, перечитаешь, освежишь в памяти, закрепишь. Это великое произведение, его не грех перечитывать, тем более ты повзрослела с тех пор и сможешь увидеть роман совсем другими глазами. Изречения будешь записывать в тетрадку, я проверю. С дядей Севой будешь заниматься английским, понемногу, часа по два-три в день, этого достаточно. Отпуск все-таки, – он ободрительно улыбнулся дочери.

– А потом? – осторожно спросила Женя.

– А что потом? – удивился отец. – Потом ты вернешься в Москву и выйдешь на работу, мои обязанности будет исполнять Артур Андреевич, и ты должна работать у него секретарем, как и у меня. Ты еще слишком мало работаешь, тебе не положен большой отпуск. Ты вернешься, а я поеду на Майами на две недели. Пока меня не будет, с тобой проживут Григорий и его жена, они за тобой присмотрят. Поддай масло, пожалуйста.

Отец деловито намазал на кусок белого хлеба масло и джем, откусил и принялся с аппетитом жевать, поглядывая на экран телевизора, где как раз начался очередной утренний блок новостей.

– Папа, ну давай поедem на море, – жалобно попросила Женя. – Все ездят на Средиземное море, в Турцию, в Испанию. А это Жигулевское море – оно же не настоящее, и комары там...

– Мала ты еще по заграницам разъезжать, – отрезал отец. – Ты пока еще на билет в один конец себе не заработала, а туда же, отдыхать собралась. От чего отдыхать? Ты что, переработала? Переутомилась? В общем, так, Евгения, расписание на отпуск я тебе составил, так что готовься, читай Радищева, выписывай в тетрадочку географические названия – я проверю.

Женя опустила голову, поняв, что сопротивление бесполезно, и изо всех сил боролась с подступающими слезами. Сделав несколько судорожных глотков, допила чай и ушла в свою комнату. Там она бросилась на диван и горько заплакала, обняв подушку. «Раечка, миленькая, дорогая моя, золотая, единственная, – думала Женя, – зачем ты меня оставила один на один с этим чудовищем? Зачем ты умерла? Мне было так хорошо с тобой, ты защищала меня, баловала, ты мне все разрешала и старалась, чтобы папа не узнал. А теперь тебя нет, и никто меня не спасет и не защитит. Я живу как в тюрьме, а мой родной отец – самый жестокий и непреклонный надсмотрщик, какого только можно представить. У меня никого нет на всем свете, никто не поможет мне, никто не поддержит. Только он, мой неизвестный и таинственный друг, но где он? Кто он?»

Женя вытащила из-под матраса прозрачный пластиковый конверт и достала оттуда письма. Вот они, письма от неизвестного друга. Или подруги? Самое первое она получила давно, еще весной.

«Если тебе станет одиноко или трудно, помни: я с тобой. Ты всегда можешь на меня положиться. Друг».

* * *

Обстоятельства убийств были похожи как две капли воды, более того, обе жертвы – Курбанов и Фризе – сильно смахивали на братьев-близнецов. Только паспортные данные различались. У обоих были одинаковые короткие стрижки «ежик», серьга в ухе, и смерть свою оба встретили в бесформенных, размера на два больше, майках и в широких, ниже колен, шортах. На ногах, несмотря на жару, устрашающего вида ботинки на толстой подошве. Фризе задушен шнуром от плеера, другой, по фамилии Курбанов, – гитарной струной.

– Может, они друзья? – спросила Настя, задумчиво разглядывая фотографии, сделанные на местах преступлений. – Очень часто друзья стараются одеваться одинаково, особенно в таком нежном возрасте.

Миша Доценко насмешливо посмотрел на нее и бросил в свою чашку еще один кусочек сахара.

– Нет, Анастасия Павловна, не правы вы были, когда заставили меня переходить с вами на «ты». Возвращаюсь обратно к вежливому «вы».

– Почему? – удивилась Настя.

– Потому что вы безнадежно стары, мадам, и двадцатилетняя молодежь вам явно не по зубам. Так, как эти двое, одеваются семьдесят процентов данной возрастной категории. И почти все таскают с собой плееры и слушают музыку на ходу и в транспорте.

– Серьезно? Надо же, не замечала... – растерянno пробормотала она.

– Тебя послушать, так можно подумать, что ты на работу на самолете летаешь, – покачал головой Доценко. – Ты же ездишь в городском транспорте, по улицам ходишь. Глазами пользоваться не пробовала?

– Да ну тебя, Мишенька! – рассмеялась Настя. – Я глазами под ноги смотрю, чтобы не споткнуться, или в книжку, если удастся сесть. В общем, ты прав, конечно. Я действительно по сторонам не смотрю, мыслями куда-то далеко отъезжаю и окружающий мир не воспринимаю. Дурацкая особенность. И все-таки ты уверен, что Курбанов и Фризе – не приятели?

Михаил открыл блокнот, полистал странички, исписанные ровным мелким почерком.

– По убийству Валерия Фризе, девятнадцати лет от роду, отработан круг его знакомых, среди коих юноша по фамилии Курбанов не фигурировал. По вчерашнему трупу Курбанова круг знакомых пока не отработан полностью, но и там Фризе не мелькает. Курбанову двадцать лет, не учится и не работает, стоит на учете у нарколога как потребитель героина, в связи с чем освобожден от службы в наших доблестных Вооруженных Силах. Фризе же, напротив, занят общественно полезной деятельностью с утра до вечера, учится в университете, по вечерам подрабатывает в одной очень приличной фирме – он хорошо владеет компьютером. Практически не пьет и даже не курит, бережет здоровье, и при всей своей занятости ухитрился дважды в неделю посещать спортзал, – Доценко закрыл блокнот и сделал несколько глотков кофе. – За подробностями я поеду через полчаса, договорился с опером из Западного округа, где обнаружили труп Фризе. Туда же обещал подъехать и человек из Южного округа, на территории которого убили Курбанова. Вы, мадам, со мной, конечно, не поедете?

– Поеду, – Настя улыбнулась, – тебе назло. Чтобы ты не забывал, что меня Колобок назначил старшей.

* * *

Первым, что бросалось в глаза при взгляде на Андрея Чеботаева, были его длиннющие ресницы. Ну просто на зависть девушкам!

– Ты что, их специально отращиваешь? – поинтересовался Доценко через три минуты после знакомства с оперативником из Западного округа. – Или они наклеенные?

Чеботаев басовито хохотнул и демонстративно подергал ресницы.

– Всю жизнь мучаюсь, – признался он, – ребята в школе дразнили, так я их даже обрезать пробовал. Еще длиннее выросли. Потом научился пользу извлекать.

– Девушек заманиваешь? – догадался Доценко.

– Не только. Вообще народ обманываю. Глазки круглые сделаю, ресницами хлоп-хлоп, полный наив изображаю.

– И чего? Помогает? – спросил Миша.

– Всегда, – коротко и уверенно ответил Чеботаев. – Особенно с мужиками. Ловятся «на раз». Так как, здесь поговорим или к месту прогуляемся? Здесь недалеко, минут десять ножками.

Насте отчаянно не хотелось никуда идти, она уже удобно устроилась на единственном не шатающемся стуле, но царившая в кабинете духота грозила сосудистыми неприятностями, причем в самом недалеком будущем. На улице, конечно, не намного прохладнее, но там хоть воздух слегка шевелится, изображая слабое подобие ветерка.

– Пошли в поле, – скомандовала она. – Посмотрим на месте. Когда из Южного округа человек приедет?

Чеботаев взглянул на часы.

– Минут через сорок-пятьдесят, может – через час.

– Ну и славно. Потом вместе с ним проедем к месту вчерашнего убийства.

Валерий Фризе был найден в ста пятидесяти метрах от собственного дома, смерть наступила между часом и половиной второго ночи. Судя по всему, он шел от метро домой, слушал музыку. Наушники от плеера надежно ограждали слух юноши от всех посторонних звуков, особенно если это звуки тихие и осторожные. Убийца практически беспрепятственно приблизился сзади и использовал шнур от плеера в качестве инструмента для удушения. Легко и просто.

С момента убийства и до сегодняшнего дня усилия милиции были направлены на то, чтобы выявить хоть какие-нибудь сомнительные контакты Фризе среди всех его знакомых по университету, по работе в фирме, где он обслуживал компьютерные программы, и даже среди бывших одноклассников и соседей по дому и двору. Версии появлялись каждый день, ибо сомнительные, с точки зрения оперативников, личности возникали в окружении Валерия на каждом шагу. Кто-то был связан с наркотиками, кто-то «шестерил» на криминалитет, кто-то просто был ранее судим. И о каждом из подобных персонажей нужно было наводить дополнительные справки и выяснять, где они проводили время в момент убийства Фризе. Однако со вчерашнего дня ситуация в корне изменилась, стало очевидным, что истоки преступления надо искать вовсе не там, а среди тех, кто посещает ночные клубы, когда в них выступает группа «Би-Би-Си». Ибо единственное, что объединяло двух юношей, задушенных поздно ночью на пути домой, это именно выступления группы в ночных клубах, на которые оба погибших ходили накануне смерти. Валерий Фризе провел вечер в клубе «Геракл», Николай Курбанов – в «Ночной бабочке».

– Андрюша, а что это за группа такая – «Би-Би-Си»? – спросила Настя, когда они возвращались в отделение. – Я никогда о ней не слышала.

– Тоже мне, показатель! – фыркнул Доценко. – Ты, кроме своего Верди, вообще ничего не знаешь.

– А ты и Верди не знаешь, – сердито отпаривала Настя. – Не груби старшим.

– Мальчики, девочки, не ругаться, – Чеботаев скорчил жалобную мину и захлопал ресницами. – Рассказываю, что знаю. Группа «кислотная». Состоит из трех человек: Борис Худяков, Биримбек Бейсенов и Светлана Медведева. Отсюда и название – по первым буквам имен. Малолетки от них тащатся.

– Малолетки – это которые? – уточнила Настя. – Тинейджеры? Или постарше?

– От тринадцати до двадцати двух. Не все, конечно. Только «кислотные», такие же, как сама группа. Выступают по ночным клубам, иногда дают концерты в Домах культуры. Их в прошлом году активно раскручивали, даже клип по телику крутили, я несколько раз видел. Не скажу, что они гребут бешеные бабки, вход в ночной клуб стоит в среднем около ста – ста пятидесяти рублей, и народу туда помещается не бог весть сколько, от ста человек до трехсот, если клуб побольше. С таких выступлений миллионы не заработаешь.

– Понятно, – протянула Настя. – А фанаты у них есть? Настоящие, постоянные?

– Ну а как же, – Андрей усмехнулся и снова захлопал ресницами. – Это все как у больших. У них даже администратор есть. О, кажется, нас уже ждут.

Перед входом в отделение милиции стоял, ссутулившись и глядя куда-то в сторону, мужчина лет сорока пяти.

– Курбанов, – представился он странно-глуховатым голосом.

Настя в недоумении обернулась к Чеботаеву, потом перевела взгляд на мужчину. Тот коротко кивнул, при этом лицо его исказилось в болезненной гримасе.

– Ну да, это моего сына... Майор Курбанов, Василий Петрович, отдел милиции Орехово-Борисово Южное. К вам должен был приехать другой сотрудник, но я попросил...

– Да-да, понятно, – поспешно кивнул Чеботаев. – Знакомьтесь, наши коллеги с Петровки, подполковник Каменская, капитан Доценко.

– Настя, – она протянула руку Курбанову и невольно вздрогнула. Ей показалось, что боль, которую испытывал отец погибшего юноши, передалась ей через пальцы и пронзила насквозь.

– Михаил, – представился Доценко. – Мы хотели проехать к месту происшествия.

– Я покажу, – вздохнул Курбанов. – Пойдемте, я на машине.

В гробовом молчании они сели в машину. К встрече с отцом потерпевшего никто из троих готов не был, всем было неловко и отчего-то стыдно.

– Вы не молчите, – неожиданно произнес Курбанов, – спрашивайте. Все равно вам придется опрашивать меня как отца. И не стесняйтесь. В нашей семье беда, вы, наверное, уже знаете, Коля состоял на учете как наркоман. Мы ничего не могли сделать. И уговаривали, и лечили, и в реабилитацию направляли – все без толку. Деньги у нас с женой воровал. Мы каждый день ждали, что он умрет от передозировки. Знаете, он уходит утром, а мы мысленно прощаемся с ним навсегда, потому что не знаем, вернется он вечером живой или нет. Вот вчера не вернулся... Вы спрашивайте, не старайтесь меня щадить, я его уже давно похоронил.

Курбанов пытался говорить ровно, но голос его все равно дрожал и срывался. Боль, казалось, заполнила все пространство небольшого автомобильного салона, проникала через поры в кровь сидящих в нем людей, разбегалась по жилам и железным обручем стискивала мозг. Настя понимала, что молчать нельзя, нужно что-то говорить, о чем-то спрашивать, но никак не могла сообразить, что сказать, чтобы не сделать этому человеку еще больнее.

– Василий Петрович, вы не думали о том, что вашего сына... – она замялась, – убили в виде акции устрашения? Может быть, вы работаете по какому-то делу и на вас пытаются воздействовать?

Курбанов помолчал несколько секунд.

– Я думал об этом. Знаете, это первое, о чем думает разыскник. Может, это прозвучит ужасно, кощунственно, но я был бы рад, если бы Коля погиб из-за меня. Лучше так, чем знать, что мальчик сам, своими руками себя убивает, по собственной воле каждый день приближается к смерти. Он же не может не понимать, что с ним происходит и что происходит с нами, его родителями, но ему на это наплевать. Он перестал быть человеком, личностью, он превратился в неразумное животное. Лучше я буду думать, что мой сын был чудесным мальчиком, умным и добрым, и всю оставшуюся жизнь винить себя в том, что Коля умер по моей вине, из-за моей работы, чем знать, что он сам привел себя к смерти, потому что сначала стал дураком, потом подонком, а потом – безмозглым чудовищем.

– Но ведь он умер не от передозировки, – осторожно возразила Настя. – Он не сам привел себя к этому.

– Какое это имеет значение! – с горечью ответил Курбанов. – Он был наркоманом, он вел свою, особенную жизнь, которую ведут все наркоманы, а это означает, что он постоянно крутился возле криминала. Тех денег, которые он воровал у нас с женой, не хватило бы ему на ежедневные дозы, значит, он брал их еще где-то. Скорее всего сам торговал наркотиками или еще во что впутался. За это и убили. Вы не понимаете! – Он сделал судорожный вдох, и

Настя поняла, что Курбанов с трудом сдерживает рыдания. – Если уж мне суждено потерять единственного сына, то пусть у меня хотя бы будет моральное право его оплакивать. А то, во что он превратился, оплакивать невозможно. Я лишен даже этого.

– Василий Петрович, я не знаю, станет ли вам легче от моих слов, но месяц назад при точно таких же обстоятельствах был убит еще один молодой человек, который вовсе не был наркоманом, он даже не курил и не пил ничего, кроме пива. Думаю, у нас есть основания полагать, что убийство вашего сына все-таки не связано с наркотиками.

– Как зовут того, второго?

– Валерий Фризе. Вам это имя что-нибудь говорит?

– Ничего. Я никогда не слышал этого имени.

– А знакомые из университета, с философского факультета у Николая были?

– Понятия не имею, но он никогда об этом не упоминал.

– А о фирме «Тектон»?

– Тоже нет. Что это за фирма?

– Торговля мебелью. Там работал Фризе. А на философском факультете он учился. Как вы думаете, что могло быть общего у этого Фризе с вашим сыном?

Курбанов снова замолчал, но было видно, что на этот раз он не борется с собой, а действительно размышляет.

– Трудно сказать, – наконец ответил он. – Так сразу ничего в голову не приходит. Погодите, но если, как вы говорите, был убит еще один человек, то почему вы спрашивали, не пытались ли на меня воздействовать? Если убиты двое, то дело не во мне, это же ясно.

– Не совсем, – мягко возразила Настя. – Может быть, этот Фризе проходил по какому-то делу, по которому вы работали. Его убийство – это попытка спрятать концы или убрать свидетеля, а убийство вашего сына – попытка надавить на вас. Пожалуйста, Василий Петрович, вспомните, не мелькала ли где-то в вашей работе эта фамилия. Фризе, Валерий Фризе, студент философского факультета.

– Нет, – твердо повторил Курбанов, – имя редкое, я бы запомнил.

Он припарковал машину возле киоска «Пресса для всех».

– Приехали. Это здесь, в проходе между гаражами.

Глава 3

С работы Ольга Плетнева возвращалась совершенно вымотанная. Начавшаяся ревизия не пугала ее, но требовала постоянного напряжения, как и любая проверка, которая проводится отнюдь не формально, а с явным и нескрываемым намерением «накопать». Да вдобавок эта жара невыносимая! От холода можно спастись, надев побольше теплых вещей, а вот с жарой бороться куда труднее, дальше кожи не разденешься. Еще в прошлом году, когда на Москву обрушился неожиданный небывалый зной, они с Павлом сокрушались, что не поставили в квартире кондиционер, но, когда наступила нормальная погода, оба легкомысленно сошлись во мнении, что этот кошмар, случившийся впервые за несколько десятилетий, столько же десятилетий и не повторится, так что мысль об установке кондиционера благополучно ушла в свободный полет. А напрасно. В этом году жара вернулась снова, только еще более озверевшая.

Двери лифта только начали открываться, а Ольга уже услышала знакомый шум, доносящийся из квартиры этажом выше. «Опять у Светки гульбище, – равнодушно подумала она. – Не уймется девка никак. Замуж ей надо выходить, а то квартира в проходной двор превратилась». Шумные сборища у соседки Ольгу не нервировали, она умела не обращать на них внимания, правда, сама Светлана ее изрядно раздражала своей бесцеремонностью, являясь к Плетневым как раз тогда, когда у нее был полон дом гостей. На языке соседки это называлось «отсидеться». Поэтому каждый раз, заслышав шум развеселой компании, Ольга начинала готовиться к неизбежному визиту Светы.

«Сегодня это будет ну совсем некстати, – думала Ольга, доставая из сумочки ключи, – сил нет никаких, хочется принять прохладный душ и лечь. И ни с кем не разговаривать. Паша это понимает, будет сидеть тихо, как мышка, даже чай в постель принесет. Как бы от Светки отделаться побыстрее?»

У нее уже появились кое-какие соображения насчет соседки, но они оказались ни к чему: едва открыв дверь квартиры, Ольга услышала голоса. Один принадлежал Павлу, другой – Светлане. «Что ж, значит, придется терпеть», – вздохнула она обреченно.

Похоже, гостя застала Павла врасплох, он сидел в одних шортах, даже без майки. Зато Светлана вся сверкала и переливалась, как обсыпанная блестками новогодняя игрушка. Облегающая ярко-синяя майка из какого-то эластичного материала подчеркивала изумительной формы (этого Ольга отрицать не могла) грудь и красиво оттеняла короткие белокурые волосы. Короткая узкая юбка была отчего-то густо-розового цвета, совершенно, на вкус Ольги, не подходящего к цвету майки. Шея, глубокое декольте и колени девушки сверкали в самом прямом смысле – кожа была покрыта специальным составом с блестками. Блестела на полных губах лаковая помада, переливались перламутром тени на веках и румяна на скулах. Светлана была, бесспорно, красива, против этого невозможно возразить, но очень уж все это было ярко, броско. Навязчиво, как и сама девушка.

– Ой, Лелечка, – протянула Светлана неожиданно сиплым голосом, так не вязавшимся с ее лубочным обликом, – а я зашла к вам отсидеться. Голова как пивной котел, я уже очумела от этих гостей бесконечных.

– Очумела – не зови, – ответила Ольга, мало заботясь о том, чтобы быть вежливой. – У тебя вечно одно и то же, приглашаешь людей, а потом жалуешься. Павлуша, включи чайник, будь добр, я сейчас переоденусь и присоединюсь к вам.

Она ушла в свою комнату, на ходу расстегивая и снимая с себя влажную от пота одежду. Небрежно бросив юбку и блузку на кресло, Ольга подошла к зеркалу. Конечно, если судить объективно, то Светлана намного красивее. Создавая эту никчемную дурочку, природа явно не поскупилась на краски, дав ей натуральные белокурые волосы, яркие глаза и аппетитные даже без помады губы, не говоря уж о чудесном цвете лица, который пока не смогли убить ни

спиртное, ни сигареты, ни чудовищный образ жизни. Интересно, почему Светка никогда не обижается на нее, даже когда сталкивается с неприкрытой недоброжелательностью хозяйки? Неужели она из той породы людей, которым «плюнь в глаза – божья роса»? Или дело в другом? Похоже, что в другом, хотя Павлушка никогда даже не намекал на то, что легкомысленная певичка с верхнего этажа ему нравится. Если между ними что-то есть, то тогда, конечно, Светка будет терпеть от Ольги все вплоть до откровенного хамства и даже (тьфу-тьфу, не приведи господь сподобиться) рукоприкладства, потому что как же она будет заходить к ним «пососедски» в случае открытой вражды? Яснее ясного, что до постели дело пока не дошло. Если бы Светка была Пашиной любовницей, то он преспокойненько ходил бы к ней наверх для интимных удовольствий, и не было бы нужды в приходах соседки к ним в гости. Видимо, девчонка положила глаз на Павла, вот и бегаёт к ним при всяком удобном случае, планомерно проводя в жизнь свою глупую политику охмурения выгодного соседа. «А что? Павлушка у нас жених завидный, – с насмешкой подумала Ольга, застегивая на талии легкую, почти невесомую пляжную юбочку. – Деньги, работа, образование нестыдное – МГИМО, не кот начхал. Связи опять же. Эх, Светка, дурочка ты, дурочка, зря стараешься. Знала бы ты...»

Когда Ольга вернулась на кухню, картину она застала почти идиллическую. Павел заваривал чай, а Светлана жарила на сковороде колбасу.

– Садись, Лелечка, – сипло пропела девушка, – сейчас мы тебя покормим. Уже все готово.

– Похоже, я в гости пришла, – хмыкнула Ольга. – Ты, Светик, у нас теперь за хозяйку?

Света округлила глаза и сделала испуганное лицо.

– Ты сердисься, что я как бы твою сковородку взяла? Мне Павлик разрешил. Правда же, Павлик?

Павел обернулся и подмигнул Ольге, не боясь, что стоящая к нему спиной соседка увидит его хитрую улыбку. Ольга решила сделать перерыв в терроризировании Светланы и поесть. Ну чего она к девчонке цепляется, в самом-то деле? Нет у нее мозгов, так разве это ее вина? Вот колбаски сейчас поедем со свежим огурчиком вприкуску с мягким черным хлебушком, чайку с лимоном выпьем – и можно продолжать. Справедливости ради надо заметить, что Ольга обычно обходилась со Светланой мягко и дружелюбно, но сегодня настроение у нее было не самое лучшее.

Пока она сосредоточенно поглощала ужин, Света жалобным сиплым голоском ныла о превратностях судьбы и неправильности общего мироустройства. Голос сел, спасибо еще, что после концерта, а не перед ним, но все равно плохо, потому что следующее выступление уже через неделю. Парни ее возраста все как один козлы, мужики постарше женаты (опять же все как один), а которые неженаты – те тоже козлы, потому как раз за них никто замуж не идет, значит, у них не все в порядке либо с кошельком, либо с головой, либо ниже.

– Ты не права, Света, – очень серьезно возразила ей Ольга. – Ведь в клубах твои выступления слушают как минимум сто человек, а то и все двести. Значит, им нравится, как ты поешь. Почему же они козлы?

– Козлы и есть, – фыркнула девушка. – Малолетки бессмысленные. Хоть бы одна приличная рожа в зале появилась! Дрыгаются, обжимаются, травку курят, визжат, воют. Конечно, они от меня как бы тащатся, но толку-то от этого? Чтобы делать реальные сборы, нужно десять тысяч человек как минимум, и чтобы билеты стоили дорого, а с этих сопляков что возьмешь? У них же денег нет, для них столик за вход в клуб – максимум, что они могут выложить. Пацанва.

Ольга допила чай и поставила чашку в раковину. Повязала красивый вышитый фартучек и принялась мыть посуду – сегодня ее очередь.

– И опять ты не права, куколка, – сказала она, чуть повышая голос, чтобы перекрыть шум льющейся воды. – Серьезные люди на твои концерты не ходят и никогда ходить не будут, потому что твои, с позволения сказать, песенки рассчитаны на сопляков и пацанов. Пока не

сменишь репертуар и манеру исполнения, ничего не изменится. Найди другого человека, который будет писать для тебя песни.

– Другого! – возмущенно всплеснула руками Светлана. – Другому платить надо, а где деньги взять? У нас песни Борька сам пишет, и слова, и музыку.

– Бездарь твой Борька, – спокойно констатировала Ольга. – Будешь экономить – так и прокукуешь всю жизнь в ночных клубах и Домах культуры. Найди нормального композитора и нормального поэта, они тебе напишут то, что будут слушать приличные люди. Найди педагога по вокалу, посоветуйся со стилистом, смени образ. Позанимайся сценическим движением. Делай что-нибудь, а не сиди как клуша и не жалуйся на жизнь. Под лежащий камень, знаешь ли, вода не течет, зато дерьмо хорошо просачивается.

– Тебе легко говорить, – жалобно вздохнула соседка. – У тебя как бы все есть...

Звонок в дверь прервал перечень того, что, по мнению Светланы, было у Ольги Плетневой. Павел пошел открывать.

– Светка у вас? – раздался мужской голос.

– Да, она скоро придет. Минут через пять, – ответил Павел. – Идите, она сейчас вернется. Ольга домыла посуду, достала с полочки тюбик с кремом, помазала руки.

– Тебя ждут, куколка, – сказала она. – Пойдем, я тебя провожу.

Открыв входную дверь, она вместе со Светой вышла на лестничную площадку.

– Так вот, куколка, насчет того, что у меня все есть, – холодно произнесла она, глядя прямо в глаза девушке. – Это не с неба упало и не в наследство досталось. Это сделано упорным и кропотливым трудом. Думаешь, мне не хотелось в двадцать лет проводить каждый вечер с большой компанией, пить шампанское и трахаться с красивыми мальчиками? Думаешь, мне не хотелось стильно одеваться и покупать дорогую косметику? Еще как хотелось. Но я сидела над книжками и зубрила политэкономии и бухгалтерский учет. Я ходила в джинсах советского производства за тридцать рублей и знала, что если я буду трудиться и стараться, то когда-нибудь куплю себе настоящие фирменные штаны. У меня была скучная и серая юность, но зато теперь у меня яркая и богатая молодость. Поняла, куколка? А ты пока что еще ничего собой не представляешь, порхаешь по жизни, как мотылек, и плачешь, что на тебе не женился член английской королевской семьи. И не женится, запомни, куколка, никогда никто приличный на тебе не женится, ты никогда не будешь нужна ни одному приличному мужику, потому что ты – ничто. Ты глупая и бездарная красотка. Красота у тебя есть, но она быстро пройдет, если будешь продолжать пить каждый день, а глупость и бездарность останутся при тебе. Я тебя не обидела?

На глазах у Светланы появились слезы, губы задрожали.

– Какая ты злая, Лелечка, – почти прошептала, но скорее просипела она. – Что я тебе сделала? Почему ты так со мной разговариваешь?

Ольга мягко улыбнулась и слегка прикоснулась к ее плечу.

– Потому что мне жалко тебя, я к тебе хорошо отношусь и хочу, чтобы у тебя все наладилось. А у тебя никогда ничего не наладится, пока ты не посмотришь правде в глаза. И если больше некому, то эту правду придется сказать мне. Кстати, есть такой замечательный фильм – «Москва слезам не верит». Так вот я советую тебе подумать, почему этот фильм Оскара получил. Когда догадаешься – тогда у тебя мозги на место встанут. Ну беги, тебя твои друзья заждались.

Девушка молча кивнула, сглотнув слезы, и стала подниматься вверх по лестнице. Ольга вернулась в квартиру и не видела, как лицо Светланы стало жестким и злым, а губы ее шевельнулись: «С-сука! Ты мне за все заплатишь когда-нибудь».

* * *

– Неприятности? – сочувственно спросил Павел, когда Ольга вошла в кухню. – Достали тебя твои проверяющие?

– Да нет, – она вздохнула и потянулась к вазе, в которой лежали яблоки и груши. – Все в пределах нормы, как обычно. Суматохи много, все нервничают, бегают, боятся. В такой обстановке трудно сохранять спокойствие. А что, я плохо выгляжу?

– Выглядишь ты всегда великолепно, – улыбнулся Павел, – а вот на Светку так злобно нападала впервые. Я и подумал, что ты не в настроении. Чего ты к девочке цепляешься? Она всегда такой была, ничего нового ты сегодня о ней не узнала. Раньше тебя это как-то не особо волновало, а сейчас ты прямо как фурия.

– Не знаю, – Ольга с хрустом надкусила большое золотисто-желтое яблоко, – бес попутал, наверное. Ничего, стерпит.

– А если не стерпит? Вдруг она обидится?

– Ну и черт с ней, – Ольга беззаботно махнула рукой, – обидится так обидится. Или тебя это беспокоит?

– Не то чтобы... Но знаешь, неловко как-то. Она такая миленькая дурочка, так доверчиво к нам приходит. На нее нападать – все равно что на юродивого.

– Она не юродивый, она дура, – отрезала Ольга. – Клиническая дура. Старается придти тогда, когда меня нет дома, и строит тебе глазки в надежде соблазнить. Или это уже не надежда, а реальный факт?

– Не говори глупости, – спокойно ответил Павел, – если бы я с ней переспал, ты была бы первой, кто узнал бы об этом, можешь не сомневаться. Малышка меня совершенно не будоражит, у меня другой вкус. Пошли в комнату, я принес новые кассеты, выберем какое-нибудь симпатичное кино и посмотрим.

Они выбрали американскую мелодраму и уютно устроились на диване. Остаток вечера прошел приятно и мирно, и, укладываясь спать, Ольга совершенно забыла о своем плохом настроении и с искренним недоумением вспоминала о своем поведении с соседкой. И в самом деле, что это на нее нашло?

* * *

Выйдя из метро, Настя Каменская прошла мимо автобусной остановки и отправилась домой пешком. Гулять по такой жаре – дело малоприятное, но стоять на остановке и потом давиться в переполненном автобусе ничуть не лучше. В последние месяцы она стала стараться больше ходить пешком, получая удовольствие от всего, что попадалось ей на пути. Страх смерти, единожды обрушившись на нее, породил жажду впечатлений, которую некоторые философы называют жаждой жизни. Настя стала проявлять интерес к театрам и концертам, с готовностью принимала приглашения пойти в гости и порой доходила в своем увлечении до совершенно невероятных подвигов. Не так давно, например, у нее снова разболелась спина, но она, вместо того чтобы сесть в автобус, нарочно пошла от метро пешком, радостно думая: «Я иду, мне больно, это значит, что я жива и могу что-то чувствовать. Если бы я умерла, я бы ничего не чувствовала. Да, мне больно, мне ужасно больно, но пусть лучше так, чем вообще никак. Если мне больно, значит, я жива. Господи, какое счастье, что я живу!» Она шла, еле передвигая ноги, удивлялась собственным мыслям и отчаянно радовалась жизни.

«Мне жарко, душно, по мне течет пот, как хорошо, что я могу все это чувствовать», – думала она в этот раз, двигаясь в сторону дома.

Итак, что мы имеем с двойным убийством? Версия первая: Курбанов и Фризе были связаны какими-то отношениями и общими делами, а то, что их знакомство пока никак не подтверждено, еще ни о чем не говорит. Сегодня родители зачастую мало знают о внедомашней жизни своих почти взрослых детей.

Версия вторая: юноши не были знакомы между собой, но один из них попал в орбиту уголовного розыска, а второй, Курбанов, является средством давления на отца. Правда, Курбанов-старший это отрицает, но, во-первых, он может запомнить, во-вторых, может просто не знать о том, что пути раскрытия какого-то преступления пересеклись с Валерием Фризе, а в-третьих, он может лгать. По этой версии тоже работы немало.

И, наконец, версия третья: мальчиков просто перепутали. Не зря же Настя обратила внимание на то, что они похожи. То есть при внимательном рассмотрении видно, что Фризе и Курбанов совсем разные, ничего общего между ними нет. Но если не знать человека в лицо и ориентироваться только на словесное описание, то ошибиться – легче легкого. Допустим, преступник с самого начала собирался убить именно Николая Курбанова, он узнал, что Коля вечером идет в ночной клуб «Геракл», где будет выступать группа «Би-Би-Си», поклонником которой он является, и что юноша носит до неприличия короткие волосы, черную свободную майку, широкие штаны длиной чуть ниже колена, а в ухе у него серьга. Убийца появляется рядом с ночным клубом, где выступает указанная группа, рассматривает выходящую из здания публику, видит человека, полностью подходящего к этому описанию, идет за ним следом до самого дома, выясняя, где тот живет. На другой день продолжает слежку, выжидает подходящий момент и убивает его. Спустя какое-то время выясняется, что он ошибся. Дождается следующего выступления группы, потому как Коля Курбанов обязательно на него придет, и все повторяется сначала. На этот раз без ошибки. Другой вопрос: кому и зачем понадобилось убивать Курбанова?

Тут есть еще один тонкий момент. Если верить Мише Доценко, то юношей, выглядящих так же, как Фризе и Курбанов, в ночном клубе должно было быть достаточно много. Во всяком случае, явно больше двух. Если убийца нормальный человек, то, увидев хотя бы нескольких парней, к которым подходит полученное им описание, он должен был засомневаться, отложить выполнение задуманного и обратиться за дополнительной информацией. Почему же он так не поступил? Почему, увидев первого же более или менее похожего юношу, он без колебаний принял его за Курбанова?

Настя тут же стала привычно раскладывать по полочкам варианты ответов, объясняющие поведение преступника. Первое: он не отвечает критериям нормального мышления. Это она, Настя Каменская, и тысячи других людей стали бы колебаться и искать возможности уточнить характеристики объекта. А он не стал, потому что у него мозги набекрень. Тоже приятная перспектива, искать сумасшедшего – хуже не придумаешь. Второе объяснение: в ночном клубе «Геракл» было не так уж много молодых людей, выглядящих подобно Фризе и Курбанову. Может быть, их было всего трое-четверо, и убийца «клюнул» на первого, кого увидел, поскольку остальные вышли позже. Перед преступником, таким образом, проблема выбора не стояла, мимо него прошли пятнадцать-двадцать, к примеру, человек, один из которых оказался похож. Кому придет в голову постоять и подождать, а вдруг появится еще кто-нибудь подходящий? Может, и появится, а может, и нет, а пока он тут жданки ждать будет, первый бритый с серьгой в ухе уже далеко уйдет, ищи его потом.

Для отработки этой версии придется долго и муторно выяснять все обстоятельства выхода публики из ночных клубов «Геракл» и «Ночная бабочка» после выступлений группы «Би-Би-Си». Юноши наверняка ходили туда не поодиночке, в такие места молодежь ходит компаниями, надо найти всех этих друзей-приятелей и дотошно выпросить, в каком порядке они выходили на улицу, пошли ли к выходу сразу или задержались и так далее. И если выяснится, что из клуба «Геракл» Валерий Фризе действительно вышел заметно раньше Курбанова,

то версия не рухнет сразу и придется работать по ней дальше. Если же окажется, что Курбанов вышел первым, то и слава богу, одной заботой меньше.

Настя посмотрела на часы и замедлила шаг. Без четверти десять, Лешка сказал, что последний ученик у него сегодня с восьми до десяти вечера, а до подъезда осталось минут пять неспешным шагом. Не хочется ему мешать, пусть спокойно дозанимается, а пока можно покурить на скамеечке и еще немножко подумать.

Она уселась на скамейку рядом с круглосуточно работающим магазином, достала сигареты, но закурить не успела: ей в ногу ткнулось что-то влажное. Опустив глаза, Настя увидела лохматого черно-коричневого щенка.

– Ты что, потерялся? – спросила она машинально, совсем не думая о том, что разговаривать в этой ситуации бессмысленно.

Щенок потерялся носом о ее щиколотку и заскулил.

– Ты кушать хочешь? Где твой хозяин? В магазине?

У нее никогда не было собаки, но Настя примерно представляла себе, что такой маленький щенок вряд ли мог быть оставлен на улице без поводка, не привязанный, пока хозяин делает покупки. На всякий случай она заглянула в магазин и громко спросила:

– Чей щенок на улице?

Результат был вполне ожидаемым: щенок не принадлежал никому из трех продавцов и двух покупателей. Она вышла на улицу, лохматый беспризорник сидел на том же месте, перед скамейкой, и жалобно смотрел на нее.

– Что ты на меня так смотришь? – спросила Настя с упреком. – Где я теперь буду искать твоего хозяина?

В ответ снова раздалось тихое тоненькое поскуливание. Щенок сделал пару неуверенных шагов, поднялся на задние лапы, передними обхватил Настину ногу и задрал морду, словно ловил ее взгляд. Настя мужественно боролась с собой несколько секунд, но все-таки не выдержала.

– Ладно, горе ты мое, пошли домой, я тебя хоть накормлю.

Она нагнулась и потрепала щенка по загривку. Он расценил сей жест совершенно недвусмысленно и бодро потрусил рядом с новой хозяйкой.

* * *

– Что это? – с ужасом спросил Чистяков, глядя Насте под ноги. – Откуда это взялось?

– Это потерялось, – произнесла она старательно бодрым голосом, чтобы муж не уловил паники, которая ее охватила, едва Настя переступила порог своей квартиры.

Только сейчас она в полной мере осознала, что натворила, приведя сюда приبلудного щенка, но отступать было поздно. Гуманнее было бы оставить его под лавкой у магазина, чем выгонять из дома, куда его привела по собственной воле. Ведь он ей уже поверил, он послушно шел за ней всю дорогу от злосчастного магазина до двери квартиры, то и дело забегая вперед и заглядывая в глаза: не передумала ли? не обманет ли?

– Лешенька, ты не волнуйся, я сейчас же напишу пару десятков объявлений, пойду на улицу и расклею их. Щенок маленький, он не мог уйти далеко от дома, значит, хозяин живет где-то поблизости. Я уверена, что уже завтра утром за ним придут.

Чистяков молча разглядывал черно-коричневый клубок, который принял весьма подозрительную позу прямо посреди прихожей. Так и есть, из-под клубка растекалась ароматная лужица.

– А если не придут? – ледяным тоном произнес Алексей. – Пройдет день, другой, третий, а за ним так и не придут. Что тогда?

– Тогда и будем решать. Принеси тряпку, пожалуйста.

– Я сам, – буркнул он.

Чистяков принес тряпку, вытер лужу и присел на корточки перед щенком, который, словно почувствовав неудовольствие хозяина дома, забился в уголок между стеной и тумбой для обуви.

– Чем его кормить?

– Я не знаю, – с облегчением ответила Настя. Кажется, самое страшное миновало. – Колбасой, наверное. Или вареным мясом. Как ты думаешь, какой он породы?

– Кто-то из овчарок, крупный, хотя ему месяца три-четыре, не больше, – ответил муж, вставая. – Впрочем, какое это имеет значение? Кстати, это он или она?

Настя приподняла щенка и взглянула на его живот.

– Он. Парень. Давай покормим его, потом я напишу объявления и пойду расклеивать. Ну, Лешик, солнышко, ну не сердись, пожалуйста. Ты пойми, он такой маленький, такой жалкий, голодный, одинокий, я просто не смогла его бросить на произвол судьбы. В конце концов, мы с тобой не развалимся от того, что он побудет у нас денек-другой.

– Он будет оставлять лужи и кучи по всей квартире. У меня сидит ученик, и вдруг я срываюсь с места со словами: «Извините, мне нужно какашки убрать». Ты этого хочешь? Щенку от силы четыре месяца, и неизвестно, сделаны ли ему прививки. А если не сделаны? Пока щенок не привит, его нельзя выпускать на улицу, и вот представь себе, он сегодня несколько часов провел на свободе, нюхался с другими животными, подбирал что-то с земли, а завтра он начнет болеть. У него будут судороги, рвота и понос. И не дай бог он умрет. Ты и этого хочешь? У тебя никогда в жизни не было собаки, а у меня она была, и благодари судьбу, если окажется, что это чучело, которое ты приволокла с улицы, совершенно беспородное. Потому что если окажется, что он породистый, то ты будешь иметь колоссальную головную боль с его питанием. Будешь каждое утро чуть свет бежать за молоком и готовить ему кальцинированный творог. И варить каши по особым рецептам. И если его хозяева не объявятся, то через пару месяцев с ним нужно будет гулять утром и вечером, и не пять минут, а как минимум час. Или ты, как обычно, намерена все это удовольствие спихнуть на меня?

– Лешенька, я прошу тебя, пожалуйста! Я все понимаю, я поступила неправильно, признаю, но теперь-то что мне делать? Вышвырнуть его обратно на улицу? Скажи, как я должна поступить – я так и поступлю.

– Да ладно, – Алексей махнул рукой, – теперь уж ничего не поделаешь. Что сделано – то сделано.

После ужина Настя быстро набрала на компьютере и распечатала двадцать объявлений с описанием щенка и своим номером телефона и стала одеваться.

– Ты куда? – спросил Алексей.

– Объявления расклеивать.

– С ума сошла? Почти двенадцать ночи. До утра их все равно никто читать не будет. Завтра расклеишь, когда на работу пойдешь.

– Тоже верно, – с готовностью согласилась она. Идти на улицу так поздно ей не хотелось, а брать с собой Лешку опасно: оставшись без пригляда, щенок может натворить черт знает что. Напишет на Лешкины бумаги или съест их.

Посреди ночи Настя проснулась от того, что щенок укладывался между ней и мужем, пытаясь пристроить голову на ее шее, а задние ноги – на плече у Чистякова.

– Тихо, Лешу разбудишь, – едва слышно прошептала она.

Обняв щенка и положив руку так, чтобы шерсть не щекотала Алексея, она заснула с ощущением какого-то пронзительного счастья.

* * *

Когда машина остановилась, Женя, не дожидаясь отца, выскочила наружу и направилась к подъезду. Ей хотелось первой оказаться возле почтового ящика и посмотреть, нет ли там письма. Если есть, она успеет его спрятать, засунет за пояс юбки, под пиджаком видно не будет. Конечно, это ужасно, что отец заставляет ее даже в такую жару ходить на работу в костюме с блузкой, но, как выяснилось, в этом есть свои плюсы. Обычно отец на несколько минут задерживался, давая водителю Григорию указания, и этого времени Жене вполне хватало, чтобы проверить содержимое почтового ящика. Но сегодня ей не повезло.

– Евгения! – строго окликнул отец, когда она нажимала клавиши на кодовом замке. – Захвати продукты.

Женя вернулась к машине и стала вытаскивать сумки и пакеты с продуктами, которые Григорий покупал для них раз в несколько дней по заранее составленному списку. Пока она возилась, отец закончил разговор с водителем и вместе с ней вошел в подъезд. Руки у Жени были заняты, и она с отчаянием смотрела, как отец достает ключи и открывает ящик. Так и есть, предчувствие ее не обмануло. Среди газет и рекламных проспектов мелькнул белый конверт.

Отец сперва не обратил на него внимания, однако в лифте быстро просмотрел почту и наткнулся на письмо. На конверте не было ни имени, ни адреса, только два заветных слова: «От друга». Недоуменно хмыкнув, отец собрался было вскрыть конверт, но лифт остановился, и он сунул письмо в газеты.

Ни жива ни мертва, Женя переодевалась и готовила ужин. Когда отец вскроет письмо? Что он в нем прочтет? Что подумает? Поймет ли, что письмо адресовано ей, или примет за дурацкий розыгрыш или ошибку с адресом?

– Папа, иди к столу, – позвала она и сама удивилась тому, как неуверенно и фальшиво звучит ее голос.

Отец появился чернее тучи. В руках у него Женя увидела злополучный конверт.

– Что это значит, Евгения? – спросил он тоном, не предвещавшим мирного светского обсуждения погоды и цен на фондовом рынке. – Кто пишет тебе столь странные письма?

– О чем ты? – Она постаралась говорить как можно спокойнее, но голос предательски сорвался на фальцет.

– А я тебе прочту вслух, чтобы тебе стало понятно, о чем я, – язвительно ответил отец. – Вот послушай: «Я никому не позволю плохо отзываться о самой прекрасной девушке на свете. Я доказал это еще раз. Твой преданный друг». И для кого же это ты, позволь узнать, самая прекрасная девушка на свете? Кто такой этот твой преданный друг?

– Я не знаю, – ответила Женя, не глядя на отца и делая вид, что озабочена переворачиванием мяса на сковороде. – Откуда я знаю, что это за псих? Понятия не имею, кто он такой. И вообще, может, это письмо не мне предназначено. Разве на конверте есть мое имя? Может, кто-то ошибся адресом, или почтальон не в тот ящик конверт бросил. Из-за какой-то ерунды...

– Евгения!

Отец поднялся из-за стола и навис над ней огромной устрашающей глыбой. Ростом он был намного выше Жени, а в минуты гнева казался ей просто-таки великаном, который может раздавить ее одним движением пальца.

– Не смей даже пробовать мне лгать! Откуда ты знаешь, что на конверте нет имени и адреса? Молчишь? Я отвечу за тебя. Ты знаешь, потому что уже получала такие письма. По крайней мере одно. И что это еще за «доказал еще раз»? Он уже это доказывал, о чем и сообщал тебе в предыдущих посланиях. Немедленно принеси сюда остальные письма. И не смей мне говорить, что их не было, я все равно тебе не поверю.

Женя стояла неподвижно, уставившись глазами в сковороду, на которой шипело мясо. Ей было очень страшно.

– Ты слышала, что я сказал? Немедленно принеси все остальные письма. Я их прочту, а потом ты мне расскажешь, что это за тип и где ты с ним познакомилась. А заодно и поведаешь мне, что за сомнительную компанию ты себе завела и кто это смеет о тебе плохо отзываться.

Женя молча поплелась в свою комнату. Отец последовал за ней. Значит, ничего скрыть не удастся, придется отдавать все письма, ведь они лежат все вместе, в одной прозрачной папочке, под матрасом.

Отец читал письма так медленно, словно наизусть заучивал. По крайней мере самой Жене казалось, что прошло несколько часов, пока он наконец не поднял голову. Она ожидала криков, вспышки ярости, но ничего этого не было. Ничего, кроме ледяного спокойствия на его бесстрастном лице.

– Где ты познакомилась с ним?

– Папа, я клянусь тебе, я с ним незнакома!

– В таком случае что означают эти пассажи о длинных черных волосах и глубоких синих глазах, можешь мне объяснить? Где и при каких обстоятельствах он тебя видел?

При каких обстоятельствах... При самых обычных. Она возвращалась с курсов немецкого, которые отец заставлял ее посещать. Вернее, заставлял он совершенствоваться в немецком языке, а уж курсы-то она себе сама выхлопотала. У отца много деловых партнеров в Германии и Австрии, он часто встречается с ними для переговоров и хочет, чтобы Женя была при этих встречах переводчиком. Сначала речь шла о том, чтобы нанять преподавателя, который занимался бы с ней дома, естественно, в присутствии отца, но Женя твердо стояла на том, что такими индивидуальными занятиями можно научить человека читать и писать, но никогда не научишь общаться на языке и уж тем более синхронно переводить. Возразить отцу было нечего, и он скрепя сердце разрешил ей ходить на курсы.

Разумеется, курсы были самые дорогие, отец старательно избегал отпускать Женю туда, где водится всякая безродная шпана. И разумеется, лично побеседовал с преподавателем немецкого Кристиной, заручившись обещанием немедленно сообщать ему о пропусках занятий (на случай, ежели Женя надумает под предлогом курсов куда-нибудь сбежать развлекаться), а также о дружеских отношениях дочери с кем-либо из учеников, особенно мужского пола. Женя не без оснований подозревала, что отец платил Кристине за дополнительные услуги, очень уж та старалась. Вплоть до того, что ездила после занятий вместе с Женей до станции «Чистые Пруды», рядом с которой жили Рубцовы, ссылаясь на то, что тоже живет неподалеку. Женя и не думала пропускать занятия, ей нравилось учить второй язык, нравилось, что ее постоянно хвалили, нравилось, что она лучшая в группе, хотя начинала с азов (в школе она учила английский), тогда как все остальные ученики уже раньше изучали немецкий.

Эти походы на курсы имели и еще одну прелесть – на них Женя приходила преображенной. Тугая коса расплеталась, длинные черные волосы густым шелковистым покрывалом лежали на плечах, пиджак небрежно висел перекинутым через сумочку, болтающуюся на длинном ремне, в ту же сумочку перекидывали и ненавистные беленькие носочки. Глаза подведены, и от этого они кажутся еще больше и еще синее. Для такого преображения использовался платный туалет по дороге с работы на курсы. Правда, возникала проблема и обратного перевоплощения, хотя она не была особо сложной. В те дни, когда Женя ходила на курсы, отец возвращался поздно, и вполне можно было даже явиться домой в «таком» виде и быстренько привести себя в порядок, заплести волосы в косу и смыть макияж. Но Женя была осторожной и так глупо не рисковала. У метро «Чистые Пруды» она расставалась с Кристиной, забежала в магазин «Спорт плюс мода», где давно уже перезнакомилась со всеми продавцами, и выходила оттуда в своем обычном обличье, аккуратно причесанная, с умытым лицом, в строгом пиджаке и белых носочках. Вероятность попасться на глаза отцу в коротком интервале между

выходом из метро и входом в магазин была минимальной, во всяком случае, пока этого ни разу не произошло.

В тот день они, как обычно, вместе вышли после занятий и направились к троллейбусной остановке, чтобы доехать до ближайшего метро. Троллейбуса пришлось ждать долго. И тогда Женя увидела Его. Вернее, сначала она Его почувствовала. Чей-то взгляд нестерпимо жег ее щеку, боковым зрением она заметила мужскую фигуру, но не повернулась, однако спустя несколько мгновений сделала вид, что счищает невидимое пятнышко с пиджака Кристины, и встала лицом к Нему. Его взгляд завораживал. В нем было обожание, почтение, восторг – все то, что, по ее представлениям, должно сопутствовать настоящей Любви настоящего Мужчины. У Жени даже голова слегка закружилась, ей показалось, что с каждым мгновением ее все плотнее опутывает кокон густого и сладкого, как мед, восхищения, струящегося из глаз стоящего неподалеку юноши.

Подошел троллейбус, юноша вошел в салон вместе с ними и всю дорогу до метро не сводил с Жени сияющих глаз. Под бдительным оком Кристины Женя боялась слишком часто смотреть в его сторону, но присутствие его она ощущала всей кожей. Ощущала при выходе из троллейбуса, в вагоне метро, в толчее на переходе с одной линии на другую. Она нервничала, и Кристина, видно, что-то почувствовала.

– Я провожу тебя до дома, – внезапно заявила она, когда они вышли из метро на Чистых Прудах.

– Зачем? – удивилась Женя. – Меня никто не украдет. Еще совсем светло.

– Не в этом дело, – Кристина смущенно улыбнулась. – Я до своего дома просто не дойду. Ну, ты меня понимаешь?

Сердце у Жени упало. Она ни минуты не сомневалась, что юноша подойдет к ней, как только она останется одна, и не могла дожидаться мгновения, когда Кристина наконец отвяжется от нее. Но отказать преподавательнице она не могла, это выглядело бы просто бесчеловечным.

Краем глаза она видела своего поклонника, который на некотором расстоянии следовал за ними, не делая ни малейшей попытки приблизиться. Вот и подъезд. Дверь, кодовый замок. Лифт. Вход в квартиру. Вот и все. Ничего не состоялось. А если еще и отец дома окажется, тогда вообще конец всему. Сначала неминуемый скандал за непотребный внешний вид, а потом полный и окончательный запрет на любые походы куда бы то ни было, хоть на курсы, хоть в театр. Только вместе с ним.

Но хотя бы в одном Жене в тот раз повезло – отца дома не было. Кристина побежала в туалет, а Женя подошла к окну и распахнула его. Юноши нигде не видно. От обиды у нее слезы выступили на глазах. Ну почему в ее жизни все так нескладно? И сама она нескладная, не зря отец зовет ее «слоненком». Слоненок и есть. Услышав в коридоре шаги Кристины, Женя отпрянула от окна и постаралась придать лицу выражение простодушного участия.

– Все в порядке? – как можно веселее спросила она.

– Спасибо, Женечка, ты меня от смерти спасла, – улыбнулась преподавательница. – Ну, я пойду, закрой за мной дверь.

С тех пор Женя потеряла покой. Где бы она ни была, она постоянно оглядывалась в надежде заметить тот самый горячий, полный восторга взгляд. Ведь если она действительно так понравилась этому юноше, то он должен попытаться снова встретиться с ней, тем более он знает, где она живет. Но его все не было. А потом пришло первое письмо, и Женя поняла, что он не будет искать встречи с ней. Во всяком случае, сейчас. Он будет ей писать.

Все это она и рассказала отцу. Ну, на самом деле, конечно, далеко не все. Некоторые подробности вроде распущенных волос и выглядывания из открытого окна третьего этажа она благоразумно опустила.

– И ты полагаешь, что я должен этому поверить? – сухо спросил отец, выслушав ее рассказ.

– Папа, я рассказала тебе все как было. Что ты еще хочешь от меня услышать?

– Я хочу, чтобы ты поведала мне о ваших общих знакомых. Что у вас за компания такая?

– Нет у нас никаких общих знакомых! Я его видела один-единственный раз, даже не разговаривала с ним.

– В таком случае поясни, будь так любезна, что он имеет в виду, когда пишет: «Я никому не позволю отзываться о тебе плохо»?

– Я не знаю! Папа, я правда не знаю... Почему ты мне не веришь?

– Потому что я разумный человек, в отличие от тебя, и умею мыслить на уровне нормальной здоровой логики, а не на уровне сопливых романтических эмоций. Из того, что я прочел в этих письмах, и из того, что ты мне тут рассказала, выводов может быть только два: или ты мне лжешь, или он сумасшедший, подверженный галлюцинациям. Ему кажется, что у вас есть общие интересы и общие друзья, которые что-то говорят о тебе. Если такие друзья-приятели есть, значит, ты меня обманываешь. Если их нет, значит, у твоего поклонника не все в порядке с головой. Ты можешь предложить мне третий вариант?

Никакого третьего варианта Женя придумать не могла. Она знала точно, что общих знакомых у нее с тем юношей нет. Или все-таки есть, только она об этом не знает? Но и согласиться с тем, что человек, который смотрел на нее со страстной влюбленностью, сумасшедший, она не хотела. Ни за какие сокровища мира она не согласилась бы признать, что первое и пока единственное в ее жизни романтическое приключение является следствием не Любви с Первого Взгляда, а банального умопомешательства.

– Значит, так, – сказал в заключение отец, не дождавшись от нее вразумительных объяснений, – эти письма я забираю. Я попрошу своих знакомых, чтобы они поработали с ними и оградили тебя от его приставаний.

– Он не пристаёт ко мне, – Женя еще пыталась слабо сопротивляться, но уже понимала, что все кончено. – Он не сделал мне ничего плохого.

– Пока не сделал. И я не собираюсь ждать, когда он надумает своей больной головой, что должен тебя убить или изнасиловать.

– Папа!

– Закончим на этом. Тут нечего больше обсуждать. Могу добавить только одно: мне жаль, что моя дочь оказалась круглой дурой, не понимающей элементарных вещей. Вместо того чтобы сразу распознать в этом поклоннике психически больного и поставить своего отца в известность о его приставаниях, она вбила себе в голову идиотскую историю о неземной любви и не желает считаться с очевидными фактами.

Отец говорил о Жене в третьем лице, и это неоспоримо свидетельствовало о том, что он взбешен. Конечно, он был резок, даже груб, но к такому обращению Женя давно привыкла, а вот «моя дочь» вместо обычного «ты» было проявлением крайней степени гнева и отвращения. Отец великолепно владел собой и никогда не повышал голоса, и о его настроении Женя догадывалась только по тем словам, которые он выбирал, разговаривая с людьми.

Глава 4

Ох как не любил Сурин эти встречи! Отчего-то ему казалось, что по телефону общаться с Рубцовым куда безопаснее. Скорее всего он полагал, что дело, изложенное в телефонном разговоре, наверняка несложное и не таящее никакой угрозы, тогда как для дела, изложенного при личной встрече, придется напрягать все связи, возможности и извилины. Как многие государственные служащие, Василий Никанорович Сурин ничего не имел против того, чтобы получать деньги, но страшно не любил эти деньги отрабатывать. Когда накануне поздно вечером Рубцов позвонил ему домой и обычным своим спокойным тоном заявил, что надо бы встретиться, сердце Сурина нехорошо заныло. Весь остаток вечера он по мелочам собачился с женой, с трудом сдерживаясь, чтобы не сорваться на детей, которые, как все обычные дети, давали повод для окрика ежеминутно, если не ежесекундно.

– Вася, ты бы лег уже, что ли, – с досадой сказала жена после его очередного выпада. – Ты когда устаеть – совсем невыносимый становишься. В отпуск тебе пора.

Сурин промолчал и со скорбной миной отправился в ванную. В отпуск, в отпуск... Сам по себе отпуск, конечно, дело хорошее, но к Рубцову никакого отношения не имеющее. От Рубцова ни в какой отпуск не уедешь и даже на пенсию не уйдешь.

Всю ночь он промаялся какими-то бестолковыми снами, в которых то летел в самолете, то ехал на велосипеде и знал, что нужно обязательно поспеть к сроку, иначе Рубцов сурово накажет. Куда именно он должен был поспеть и каков этот срок, во сне обозначено не было, но страх перед гневом Рубцова затмевал все вокруг. Проснулся Сурин разбитым и потным, чувствуя во рту противную кислую горечь, будто вечером принял спиртного сверх меры и закурил пачкой плохих сигарет.

Встреча у них была назначена на час дня в баре с почти неприличным названием «Пивнушка». Но название было, пожалуй, единственным недостатком этого заведения, расположенного на Ленинском проспекте. Во-первых, это достаточно близко от места службы Сурина, и он вполне успевал использовать для встречи свой обеденный перерыв. Во-вторых, «Пивнушка» находилась достаточно недалеко и от офиса Рубцова, обеденный перерыв у которого был ненормированным, но который временем своим все-таки дорожил. И в-третьих, кормили там более чем прилично, хотя и дороговато по меркам суринской государственной зарплаты. Но на чистую зарплату Василий Никанорович уже давно не жил.

Рубцов появился, как всегда, минута в минуту, спокойный, сдержанный, холеный, будто не стояла на улице тридцатипятиградусная жара. В строгом деловом костюме, при галстуке. «Он, наверное, вообще не потеет, – некстати пришло в голову Сурину, изнемогавшему в рубашке с короткими рукавами. – Не человек, а машина».

Заказав обед, Рубцов приступил к делу. Чем дольше Сурин его слушал, тем больше изумлялся. И из-за такой чепухи он всю минувшую ночь маялся кошмарами?

– Послушай, тебе не кажется, что ты с жиру бесишься? – без обиняков спросил он Рубцова. – Что ты привязался к девчонке? Подумаешь, придурок какой-то письма ей пишет, так что теперь, всю российскую милицию на ноги из-за этого ставить?

– Ты меня плохо понял, – медленно произнес Рубцов, глядя на него холодными ясными глазами. – Евгения – моя единственная дочь, усвой это, будь так любезен, раз и навсегда. Более того, у моей единственной дочери плохая наследственность, очень плохая, я рассказывал тебе, что такое была ее мать и с каким трудом я отвоевывал у нее своего ребенка. Я не могу допустить, чтобы Евгения пошла по ее стопам, и готов сделать все, чтобы это предотвратить.

– Да не валяй ты дурака! – вспыхнул Сурин. – При чем тут наследственность? Она что у тебя, пьет, шляется, наркотиками балуется? Ты ни на шаг ее от себя не отпускаешь! Какая связь между этими письмами и наследственностью? Может, ты думаешь, что она станет проститут-

кой только оттого, что их прочтет? В конце концов, следи за почтовым ящиком сам, перехватывай письма – и она не будет больше их читать. Зачем ты меня-то этим нагружаешь? Можно подумать, если ты найдешь этого парня, то наследственность никогда не сработает. Знаешь, как в народе говорят? Кому суждено быть повешенным – тот не утонет. Что твоей Евгении на роду написано, то и будет, а письма тут совершенно никакой роли не играют.

Ему казалось, что он говорит убедительно и логично и сейчас Рубцов улыбнется, похлопает его по плечу и скажет: «Ты прав, Вася, что-то я перемудрил с перепугу. Забудь об этом, давай лучше отбивную есть, а то остынет». Но Рубцов почему-то этого не сказал. Глаза его стали еще светлее и холоднее, словно внутри головы выключили отопление, и казалось – еще несколько секунд и все лицо его подернется инеем.

– Ты меня действительно не понимаешь или не хочешь понимать? – спросил Рубцов. – Если ты не понимаешь, то я тебе объясню попроще, подоступней. Евгении уже девятнадцать лет, я делаю все возможное, чтобы контролировать ее поведение, но я не в состоянии быть рядом с ней двадцать четыре часа в сутки. И вот выясняется, что в тот момент, когда меня не было рядом, она познакомилась с каким-то странным типом, который теперь пишет ей странные письма с более чем странными признаниями. Более того, он утверждает, что никому не позволит говорить о ней плохо. Кто это, хотел бы я знать, плохо отзывается о моей дочери? Что это за круг общения, о котором я ничего не знаю? Евгения уверяет, что не понимает, о чем идет речь, и из этого могут быть только два вывода: либо она лжет, либо у автора этих писем не все в порядке с головой. Я слишком хорошо знаю свою дочь, чтобы допустить, что она может так лгать. Я уверен, что ее поклонник – сумасшедший, потому что только сумасшедшие могут сегодня, в конце двадцатого века, писать письма практически незнакомой девушке. Он знает, где живет моя дочь, и где гарантия, что он не захочет сблизиться с ней? Где эта гарантия, я тебя, Вася, спрашиваю? И я не хочу сутки напролет проводить в тревоге, опасаясь, что Евгения может стать жертвой маньяка. Я пытался поговорить с ней, вразумить, напугать, но она и слышать ничего не хочет, она не верит в то, что этот парень – псих, она полна дурацких романтических мечтаний и идиотских представлений о большой любви. Она не станет проявлять осторожность, если снова встретит его на улице. Поэтому я хочу, чтобы ты его нашел и убрал куда-нибудь подальше, в тюрьму, например. Я ясно объясняю?

– Вполне, – буркнул Сурин, – как для полных идиотов.

– Для полных идиотов я объясняю по-другому, – надменно улыбнулся Рубцов. – А для тебя персонально добавлю еще кое-что на тот случай, если ты не хочешь меня понимать. Ты, Васенька, всегда должен стремиться к тому, чтобы понимать меня как можно лучше. Это в твоих интересах, и я буду очень удивлен, если вдруг окажется, что ты этого не знаешь. Но ведь ты это знаешь, правда?

– Знаю, – процедил сквозь зубы Сурин, не поднимая глаз от отбивной, которая еще десять минут назад источала такой аппетитный аромат, а теперь казалась просто тошнотворной. – Давай письма, я подумаю, что можно с ними сделать.

Рубцов протянул ему плотный белый конверт.

– Ты не подумай, Васенька, что можно сделать, а сделаешь все, что можно. Найди человека, который займется этим, я оплачу его работу. Только человек должен быть толковым и достойным доверия.

– О каких деньгах я могу с ним говорить? – спросил Сурин.

– О любых. Работа должна быть сделана. Меня устроит любой результат, лишь бы он соответствовал реальности, а не был плодом наглых фантазий, ты понимаешь меня? Я даже готов услышать, что Евгения обманывает меня по-крупному, что у нее завелась какая-то компания, о которой я ничего не знаю, и в этой компании кто-то имеет основания плохо отзываться о ней. Но я должен знать правду.

«Правду, правду, – злобно думал Сурин, возвращаясь на службу. – Правду ему подавай, правдолюбец хренов! Из-за его любви к правде я теперь должен задницу рвать в поисках опера, который возьмется поработать с этими письмами. Конечно, хорошо, что Рубцов платит за работу, за деньги-то человека легче найти, но ведь в этом деле не каждый сгодится. Толковый и достойный доверия! Где ж его взять, такого распрекрасного?»

Однако к вечеру в помутневшей от жары и ежедневной служебной текучки голове Сурина забрезжила идея. Истины ради следует заметить, что идея не самостоятельно забрела в его голову, а была подкинута сведениями из справки о работе подразделений уголовного розыска за прошлый год. В этой справке наряду с прочими упоминалось запутанное и прогремевшее на всю Москву дело об убийствах, при совершении которых преступник оставлял рядом с трупами какие-то игрушки. В справке упоминались и фамилии особо отличившихся оперативников – подполковник Каменская А.П., капитан Доценко М.А., старший лейтенант Зарубин С.К. Каменскую Сурин сразу отбросил – подполковник, да еще с Петровки, ну ее, связываться с такой. Выбирая же между равно неизвестными ему М.А. Доценко и С.К. Зарубиным, Василий Никанорович без долгих раздумий отдал предпочтение Зарубину. Во-первых, самый молодой (судя по званию) и, стало быть, как все молодые, нуждается в деньгах, взятками и поборами еще не успел нахапать столько, чтобы надолго хватило, во-вторых – без лишнего гонора (раз трудится в округе, а не на Петровке), а в-третьих – достаточно толковый, сумел проявить себя в таком сложном деле. Мнения о моральном облике работников уголовного розыска Василий Никанорович был весьма невысокого, впрочем, мнение это распространялось на всех без исключения сотрудников системы МВД и опиралось на богатый, в том числе и собственный, опыт. Главным же преимуществом неведомого пока еще С.К.Зарубина было то, что служил он не где-нибудь, а в том самом Центральном округе Москвы, на территории которого как раз и проживал Рубцов. То есть имелась прямая и абсолютно оправданная возможность обратиться к Зарубину, не обнаруживая связь Рубцова с Суриным.

Выяснить номер служебного телефона Зарубина большого труда не составило, куда сложнее было объясняться по этому поводу с Рубцовым.

– Тебе нужно, чтобы еще один ушлый мент знал о наших отношениях? Позвони Зарубину, договорись о встрече, изложи свое дело. Он тебя в любом случае не отфутболит, зачем ему на своей территории проблемы с психом, который пристаёт к девушке, – говорил он вечером Рубцову по телефону. – Давай завтра встретимся, я верну тебе письма, и пойдешь к нему сам.

Против ожиданий, Рубцов воспринял такое предложение довольно спокойно, хотя Сурин знал, что спокойствие это, как правило, оказывается обманчивым. Но как бы там ни было, Рубцов согласился, и у Сурина камень с души свалился. Зря он вчера так переживал, вот все и обошлось.

* * *

Звонок неизвестного мужчины, представившегося Рубцовым, застал Сергея Зарубина врасплох. Он только-только сменился с суточного дежурства и мучительно размышлял, ехать ли домой отсыпаться или поделаться что-нибудь полезное. Дежурство выдалось на редкость спокойным, видно, удушливая жара нынешнего года, в отличие от прошлогодней, достала-таки не только законопослушных граждан, но и криминально озабоченных субъектов, которые, намявшись за день в борьбе с потом и зноем, ночью предпочли хоть немного отдохнуть. Сергею удалось вполне прилично выспаться (в три приема минут по сорок каждый) на составленных в ряд стульях, и к тому моменту, когда надо было сдавать дежурство, он чувствовал себя полным сил. Однако после суток оперу положен отдых, иными словами – честно заработанное свободное время в будний день, и Зарубину жалко было этим не воспользоваться. С другой стороны,

столько дел надо переделать... Во время этого сложного и кропотливого процесса взвешивания «за» и «против» как раз и раздался телефонный звонок с просьбой о встрече.

– Приходите в управление, я вас подожду, – предложил Сергей.

Интересно, согласится на это его собеседник или откажется? Отказ появиться в окружном Управлении внутренних дел свидетельствовал бы о том, что у господина Рубцова есть проблемы, представляющие интерес для оперативника. Например, он хочет поделиться строго конфиденциальной информацией, или собирается предложить Зарубину взятку за изменение направления работы по какому-нибудь делу, или он попал в тяжелую ситуацию и нуждается в помощи, о которой никто не знал бы. Но человек, представившийся Рубцовым, с готовностью принял предложение, уточнил номер кабинета и пообещал приехать минут через двадцать пять – тридцать. Зарубин поскущел. Наверняка очередной жалобщик, недовольный тем, что соседи слишком громко шумят по ночам, или тем, что кто-то ставит машину прямо под его окнами, а сигнализация на ней то и дело включается и спать мешает. Такими жалобами жители округа буквально засыпали участковых, а не добившись толку, переключались на оперсостав. Жаловались на соседей, на автовладельцев, на владельцев крупных собак (их выгуливают без намордников, а вдруг покусает?), на владельцев киосков, торгующих спиртным (я вчера купил водку, какой-то странный вкус у нее, вы бы проверили, а вдруг она фальсифицированная, он же весь город этой водкой отравит), жаловались на все, на что только можно жаловаться. И сегодня, после суточного дежурства, имея полное и законное право на свободный день, Сергею страшно жалко было терять время на выслушивание очередной кляузы. Но что поделать, сам виноват, понадеялся на то, что случай подкинет ему что-нибудь интересное, а случай подкинул ему сутягу-пенсионера, которому даже в такую жару не лень тащиться в милицию, чтобы призвать к порядку какого-нибудь малолетнего хулигана.

Поэтому Зарубин был приятно удивлен, когда вместо ожидаемого пенсионера в кабинет вошел высокий широкоплечий мужчина лет сорока пяти.

– Рубцов, – представился он, протягивая руку. – Это я вам звонил.

Сергей оценил его крепкое, но в то же время сдержанное рукопожатие и удивился тому, что ладонь посетителя была сухой и прохладной, словно на Рубцова жара никоим образом не действовала.

– Я постараюсь не занимать у вас много времени, Сергей Кузьмич, – заявил Рубцов, усаживаясь за стол напротив Сергея, – поэтому попрошу вас сначала выслушать меня, а потом задать вопросы, если они у вас возникнут.

Зарубин молча кивнул, с любопытством наблюдая за посетителем. Похоже, он чувствует себя в чужом служебном кабинете как в своем собственном и уже готов отдавать распоряжения и требовать отчета об их выполнении. Забавный экземпляр! С такими Сергеем приходилось встречаться часто, и у оперативника выработался стойкий иммунитет к подобной бесцеремонности. Он не раздражался и в то же время не поддавался синдрому подчиненного.

– Я слушаю вас чрезвычайно внимательно, – только и сказал он в ответ, складывая ладони в замочек на девственно-чистом столе.

– Некоторое время назад моя дочь заметила на улице молодого человека, который ее преследовал до самого дома. Он шел за ней до подъезда, потом каким-то образом выяснил номер нашей квартиры, а спустя еще какое-то время начал писать ей письма. Содержание писем явно свидетельствует о том, что у этого молодого человека серьезные нарушения психики. Он – маньяк, и, поскольку он знает, где живет моя дочь, у меня есть веские основания беспокоиться за ее безопасность. Это первое. Теперь второе. В этих письмах есть настораживающая меня фраза: «Я никому не позволю говорить о тебе плохо». Кто может говорить этому сумасшедшему что бы то ни было о моей дочери, если они незнакомы и у них нет общей компании? Никто. Либо это следствие его галлюцинаций, что подтверждает его болезнь, либо моя дочь меня обманывает и они все-таки знакомы. Для каждого обмана должны быть свои причины, вы

это понимаете не хуже меня. Почему девушка скрывает от отца знакомство с молодым человеком? Потому что знает, что отец это знакомство не одобрит. Она поддерживает отношения не только с ним, но с целой компанией таких же, как он, и скрывает это от меня. Почему? Что там происходит, в этой компании? Наркотики? Криминал? Групповой секс? Я хочу это знать, чтобы вовремя принять меры и уберечь свою дочь от скатывания в пропасть, пока еще не поздно. И третье. Любой труд должен быть оплачен, и наш с вами случай – не исключение. Либо вы сами назовете сумму своего гонорара, либо, если это вам неудобно, ее назову я, а вы с ней согласитесь или не согласитесь. Будем договариваться. Теперь я готов ответить на ваши вопросы.

Зарубин по достоинству оценил краткость и внятность изложения. Никаких эмоций, никаких экскурсов ни в собственную историю, ни в истории родных и близких. (Вы знаете, я почему так беспокоюсь.... Вот у меня на работе есть женщина, у нее сын тоже... и вот однажды... а она... а он... а они... Я рассказывал своему дяде, и он мне посоветовал... а я говорю... а он мне сказал... у него тоже была знакомая...) Самое приятное, что этому мужику, Рубцову, не нужно ничего противозаконного. Другое дело, что с подобной проблемой в милицию никто никогда не ходит, во всяком случае, до сегодняшнего дня никто не приходил, и правильно делал. У милиции своих забот по горло, и с этими письмами Рубцова просто отфутболили бы куда подальше. Он, вероятно, это хорошо понимает, потому и предлагает деньги, а не требует, чтобы немедленно подняли на ноги лучших сыщиков страны для обеспечения безопасности его ненаглядной дочери. Разумный мужик, мыслит трезво.

– Почему вы не обратились в частное сыскное агентство? – спросил Зарубин для начала. – Ведь то, что вы мне предлагаете, есть, по существу, работа частного детектива.

– У частных детективов нет доступа к источникам информации, необходимой для такой работы. В нашей стране хорошо развита частная охранный деятельность, а частная сыскная пока еще в зародыше. Я не доверяю их профессионализму. Однако странно, что вы задали этот вопрос. Разве вы сами этого не знаете?

– Почему же, знаю, – улыбнулся Зарубин. – Просто мне важно было услышать, какими соображениями вы руководствуетесь. Следующий вопрос: почему вы обратились именно ко мне? Вам кто-то меня рекомендовал?

– Никто. Я живу в Центральном округе, поэтому, вполне естественно, обратился в свое окружное управление, а не в какое-то другое. Позвонил в дежурную часть, сказал, что мне нужно встретиться с кем-нибудь из оперативников, мне ответили, что все на задании, на месте только старший лейтенант Зарубин, который сейчас сдает суточное дежурство и минут через десять освободится. И дали ваш телефон. Еще вопросы?

– Сколько лет вашей дочери?

– Девятнадцать.

– Чем она занимается? Учится, работает?

– Работает. Она работает у меня секретарем. Если вас интересует, где работаю я, – вот моя визитка, на ней все мои телефоны: служебный, домашний, мобильный.

– Ваша дочь хорошо помнит внешность молодого человека, который ее преследовал? Она сможет его подробно описать?

– Надеюсь, что сможет.

– Если я возьмусь за это дело, мне нужно будет в первую очередь встретиться с вашей дочерью, чтобы узнать все детали о том молодом человеке.

– Пожалуйста, в любой момент.

– А что с письмами? Я должен их прочесть, чтобы понимать, о чем идет речь.

Рубцов молча открыл «дипломат» и положил на стол перед Зарубиным плотный белый конверт.

– Если вы возьмете письма, означает ли это, что вы согласились на мое предложение?

Зарубин усмехнулся. Господин Рубцов привык быстро хватать людей за горло, ни одного лишнего слова, ни одной впустую потраченной секунды. А может, это и неплохо для сегодняшнего времени? Современный деловой стиль.

– Давайте с вами договоримся так, – вполне дружелюбно предложил Зарубин. – Сначала я прочту письма и немного подумаю над ними, потом встречусь с вашей дочерью, потом еще немного подумаю и дам окончательный ответ.

– Правильно ли я понял, что ваш окончательный ответ будет заключаться в сумме вашего гонорара, которую вы должны предварительно продумать?

– Нет, вы поняли меня неправильно. Мой окончательный ответ будет заключаться в том, возьмусь я вам помочь или не возьмусь. А гонорар мы обсудим позже.

Впервые за все время беседы на лице Рубцова мелькнуло что-то вроде недоверия, да и то не к собеседнику, а скорее к самому себе: уж не ослышался ли он, уж не подвел ли его слух?

– То есть вы хотите сказать, что можете отказаться? – уточнил он.

– Запросто, – широко улыбнулся Зарубин.

– Разве вам не нужны деньги? Вы настолько богаты, что можете вот так легко отказаться от возможности заработать?

– Деньги нужны, конечно, а вот головная боль – нет. У меня ее и без того достаточно от служебных обязанностей. Так я не понял, вас устраивают мои условия или нет?

– Нет, – твердо ответил Рубцов. – Они меня не устраивают. Но поскольку я нуждаюсь в ваших услугах, мне придется их принять. Письма я вам оставляю. Когда вы хотите встретиться с моей дочерью?

Зарубин взглянул на часы, потом вытащил из конверта другие конверты, поменьше. Всего четыре письма, и, судя по толщине конвертов, не особо длинные. Сейчас почти полдень, нужно прочесть письма, потом неплохо было бы пообедать...

– Сегодня в два часа. Это реально?

– Я отправлю ее с работы, ровно в два она будет ждать вас дома. Я тоже приеду вместе с ней.

– А вот этого не нужно, – торопливо сказал Сергей. – Ваше присутствие нежелательно.

– Почему? – недовольно спросил Рубцов. – Я ее отец, я должен знать...

– Все, что вы должны знать, вы узнаете от меня, – ледяным тоном произнес Зарубин. – Вам же самому ясно, что от своей дочери вы ничего толком не узнали. Еще не родился на свет человек, который рассказывал бы всю правду в присутствии родителей. А если вы собираетесь мешать мне и руководить каждым моим шагом, то лучше нам расстаться прямо сейчас. Поищите себе другого сыщика.

* * *

Отец уехал в милицию, и с этой секунды Женя, как ни старалась, не могла сосредоточиться на деловых бумагах, которые ей поручено было составить, распечатать и отослать по факсу. Две из них были на русском языке и предназначались для банков, где у фирмы были счета, остальные письма отец продиктовал ей и велел перевести на английский и немецкий. С русскими текстами Женя с горем пополам справилась, а на немецких застряла намертво. Сам текст переводился легко, но вот набрать его на компьютере никак не удавалось, пальцы упрямо нажимали не те клавиши, Женя замечала ошибку и мучительно пыталась ее исправить, но глаза будто нарочно отказывались находить на клавиатуре нужную букву. Немецкие слова возвращали ее мыслями к языковым курсам, к тому вечеру, когда по дороге домой ей встретился Он, самый лучший, самый добрый, самый умный человек на свете, единственная ее надежда до сегодняшнего дня. И эту надежду у нее безжалостно и грубо отбирают отец и неведомый пока дядька из милиции. Все закончилось, даже не успев начаться.

– Евгения!

Голос отца прогремел над ухом так неожиданно, что Женя вздрогнула, задела локтем лежащую на краю стола стопку папок. Папки с грохотом упали на пол, из них высыпались документы.

– Слоненок, – недовольно буркнул отец, слегка понижая голос. – Собирайся и иди домой. В два часа придет человек из милиции, ему нужно поговорить с тобой о письмах и их придурковатом авторе. После разговора с ним немедленно возвращайся на работу, ты меня поняла?

– Поняла, – тихо ответила Женя.

– Письма отправила?

– Не все. Я еще перевод не закончила.

– Очень плохо. Ты работаешь медленно. За ту зарплату, которую я тебе плачу, в других фирмах секретари выполняют в три раза больший объем.

«Ну и не плати! – хотелось крикнуть Жене. – Что мне твоя зарплата? Можно подумать, она мне достается и я могу ее тратить как хочу. Все равно ты ее отбираешь и выдаешь мне мелочь на расходы. А если тебе не нравится, как я работаю, так уволь меня и возьми себе другую секретаршу. Отпусти меня на все четыре стороны, я пойду работать кем угодно, хоть дворником, хоть уборщицей, только бы не сидеть целый день под твоим надзором!» Но сказать такое вслух Женя Рубцова не могла. Не смела. Она могла только думать и молча кричать.

– Прежде чем уйти домой, свяжись с Кравцовым и подтверди от моего имени встречу сегодня в четырнадцать тридцать, как и договаривались. И предупреди его, что я приеду с партнерами, разговор будет долгим, так что пусть не рассчитывает освободиться раньше пяти часов.

Отец прошел в свой кабинет, а Женя открыла телефонную книгу и занялась отлавливанием Кравцова. Занятие это было не из легких и требовало обычно длительного времени, поэтому отец, если ему нужен был Кравцов, поручал это ей. Для Кравцова в телефонной книге была отведена отдельная страница, испещренная номерами телефонов всевозможных фирм, офисов, кабинетов, квартир и учреждений, где при необходимости можно было либо найти самого Кравцова, либо узнать, куда он ушел. Методично набирая номер за номером, Женя вдруг сообразила, что судьба дает ей в руки еще один шанс, может быть, последний, и надо быть действительно круглой идиоткой, чтобы им не воспользоваться. Почему отец считает Его ненормальным? Да потому, что не верит, что нормальный парень в здравом уме может в нее, Женю, влюбиться. А почему он в это не верит? Потому что она для него все еще маленький ребенок, девочка с косичкой и в беленьких носочках, с наивными глазками и скромными манерами. Если тот человек из милиции увидит ее такой же, какой видит отец, он, несомненно, тоже сочтет Его сумасшедшим. А вот если он увидит ее другой, такой, какой увидел ее Незвестный Друг, взрослой и красивой, он вовсе не будет считать Его психом, он Его поймет и не станет искать и преследовать. И может быть, даже сможет убедить отца оставить Его в покое.

Лихорадочно терзая кнопки телефонного аппарата в попытках разыскать Кравцова, Женя поглядывала на часы и прикидывала, сколько времени ей нужно, чтобы добраться до дома и успеть привести себя в должный вид. Если в течение десяти минут ей удастся выйти отсюда, то все в порядке, она успевает. Дозвонившись наконец, Женя схватила сумочку и ринулась на улицу. Перед входом в офис стояла машина отца, водитель Гриша сидел в прохладном салоне и разгадывал кроссворд в какой-то газете. Женя рванула дверцу.

– Гриша, довези до дома, а? – жалобно попросила она.

– А то, – ухмыльнулся водитель. – Шеф мне так и наказал, дескать, Евгению к двум часам доставить домой. А я ведь тебя едва не проглядел, что-то ты рано вышла. Тебя папа что, не предупредил, что ты со мной должна ехать?

– Нет.

– Странно, – удивился Григорий. – Вот был бы номер, если бы ты на метро поехала, а я минут через пятнадцать начал бы тебя выглядывать.

– Он злой сегодня, – объяснила Женя, устраиваясь поудобнее в прохладном просторном салоне. – Я ему деловые письма перевести вовремя не успела, вот он и рассердился. Поэтому и предупредить забыл.

Машина двинулась в сторону Садового кольца, и Женя, откинувшись на мягкую, обитую тонкой кожей спинку сиденья, принялась мысленно перебирать свой небогатый гардероб и прикидывать, как лучше одеться, чтобы произвести на милиционера должное впечатление. Жаль, что у нее нет красивых туфель на более или менее приличных каблуках, эти чудовищные тупоносые убожества с низкими широкими каблуками, которые заставляет носить отец, только уродуют форму ног. О тапочках и говорить нечего...

Значит, юбки отменяем, юбка хорошо смотрится только с подходящей обувью, каковой в Женином распоряжении нет. А если джинсы? В джинсах, кстати, можно вообще босиком ходить, это не противоречит стилю и выглядит даже сексуально. И майку взять какую-нибудь открытую, отец разрешал ей покупать такие для отпуска, который Женя проводила обычно в каком-нибудь захолустье, у друзей отца на дачах. Правильно, подумала она, открытую майку, причем не новую, а купленную года два-три назад, когда сама Женя была на размер тоньше. Облегающую одежду отец покупать запрещал, но насчет того, что нельзя носить старые вещи, разговора пока не было. Вернее, не было повода для такого разговора.

В половине второго Женя уже была дома. Времени достаточно, чтобы переодеться, сделать макияж и красиво накрыть стол к чаю. Все-таки гость придет, и ей хочется ему понравиться. Женя так волновалась, что никак не могла дрожащей рукой красиво подвести глаза, темно-серый карандаш все время пытался убежать куда-то не туда, оставляя вместо тонкого штриха вдоль ресниц толстую полосу поперек верхнего века. Ей пришлось дважды смывать эти полосы и начинать все заново. Без пяти два она была готова. Подошла к зеркалу, придирчиво оглядела себя с головы до ног. Из зеркальной глубины на нее смотрела босоногая стройная девушка с высокой грудью, длинными темными волосами, огромными глазами и чувственными, чуть припухшими губами. Женя осталась собой более чем довольна. В две минуты третьего пропел мелодичную песенку дверной звонок, и она побежала открывать.

* * *

Дверь распахнулась, на пороге стояла симпатичная девчушка. В полутьме лестничной клетки Зарубину показалось, что она что-то уж слишком взрослая для заявленного заботливым папашей Рубцовым возраста.

– Здравствуйте, – обаятельно улыбнулся Сергей, – вы – Женя?

– Да, – улыбнулась в ответ девушка. – Проходите. Вы из милиции? Вас папа прислал?

«Ого! – хмыкнул про себя Зарубин. – Дочурка уже вполне усвоила, что все в этом мире происходит исключительно с ведома или по приказу папеньки. Папа не попросил меня разобратся с письмами, а именно прислал, как своего подчиненного. Ну ладно, поглядим, что дальше будет».

– Проходите в комнату, – приветливо пригласила Женя. – Обувь можно не снимать.

«Это ценно, – снова мысленно усмехнулся Зарубин. – После суточного дежурства да по такой жаре за свежесть ног и носков я не поручусь. А вот в Америке, говорят, в каждом полицейском участке есть душевая, чтобы усталый полисмен мог освежиться после праведных трудов. Правда, еще говорят, что там дюже сильно следят за законностью, так что в их условиях мы бы фиг чего раскрывали».

Идя следом за Женей, он цепким взглядом осматривал квартиру. Да, денег на ремонт папаша Рубцов явно не пожалел, даже двери в ванную и туалет поставил из цельного дерева. Во

всем чувствуется доброта, но никакого намека на показной шик. Зарубину приходилось бывать в квартирах, где дверные ручки были изготовлены из бронзы и покрыты позолотой, а каждая пепельница стоила не меньше трех его месячных зарплат, в такую даже пепел стряхивать как-то неловко. Однако здесь ничего похожего не наблюдалось. Комната, куда привела его Женя, оказалась кухней-столовой, достаточно просторной, чтобы те, кто сидит за столом, не мешали тому, кто хлопочет у плиты, и в то же время достаточно уютной, чтобы не чувствовать здесь себя как в банкетном зале ресторана.

– Садитесь, пожалуйста, – сказала Женя, указывая на стол, на котором стояли две чашки с блюдцами, сахарница, нарезанный тонкими ломтиками лимон, вазочка с конфетами и тарелка с печеньем явно не фабричного происхождения. – Вам чай или кофе?

– Спасибо, ничего не нужно, не хлопочите, – улыбнулся Зарубин.

– Ну как же так! – огорченно возразила девушка. – Вы же с работы, наверняка не обедали, так хоть чаю выпейте.

– Спасибо, – повторил Сергей, усаживаясь за стол, – я пообедал недавно. Давайте присядем и поговорим о вашем поклоннике, не будем терять время. Ваш отец кое-что рассказал мне, но я хочу получить информацию из первых рук.

– Ой, ну какая глупость все это! – с досадой вздохнула Женя. – Мне очень жаль, что папа вас нагрузил этой ерундой, которая на самом деле яйца выеденного не стоит.

– Да? Почему вы так решили?

– Потому что это нормально, когда молодой человек интересуется молодой девушкой. А кем он должен интересоваться? Старухами? Мужчинами средних лет? Я не понимаю, что такого необычного и опасного папа увидел в этой истории, и мне ужасно неловко, что он отрывая из-за этого от работы занятых людей.

– И тем не менее, – сухо произнес Зарубин, – коль уж ваш отец попросил меня заняться этим, давайте выполним его просьбу.

Женя начала рассказывать, Зарубин мысленно сопоставлял ее слова с тем, что услышал сегодня утром от Рубцова, и никаких отличий не находил. Либо девочка говорит правду, либо выучила свою ложь так хорошо, что может повторить ее несколько раз не ошибаясь.

– Вы абсолютно уверены, что у вас нет общих знакомых с этим парнем? – спросил он, когда Женя закончила рассказывать.

– Конечно, уверена. Я даже не знаю, как его зовут.

– Это не показатель. У вас много друзей?

Ему показалось, что тень смущения мелькнула на лице девушки. Чем это ей вопрос не понравился? Неужели папаша Рубцов оказался прав и у нее есть какая-то «неуценная» компания?

– Почти совсем нет.

– Как же так? Почему? У вас несносный характер? – шутливо поинтересовался Зарубин.

– Скорее у папы, а не у меня. Он всех моих школьных подруг под микроскопом рассматривал, и если девчонки его чем-то не устраивали, не отпускал меня с ними ни гулять, ни в кино. О дискотеках и речи не было, мне туда запрещено было ходить.

– Ничего себе! И сейчас запрещено? Или сейчас уже можно?

– Сейчас тоже нельзя.

– И откуда такие строгости? Вы чем-то провинились и вышли из доверия?

– Нет, но папа не ждет, пока я сделаю что-то не так, он принимает превентивные меры. Из всех школьных подружек он позволял мне дружить только с одной девочкой, отпускал меня с ней в кино, разрешал ходить к ней в гости.

– И где она теперь? По-прежнему дружит с вами?

– Она учится в Англии. Мы переписываемся, конечно, но это уже все не то.

– Любопытно... – пробормотал Зарубин, невольно проникаясь сочувствием к этой девушке, живущей под жестким контролем отца. – Кстати, а вы сами почему не учитесь? Не поступили в институт?

– Папа не разрешил. Он считает, что сначала я должна поработать, а уже потом продолжать образование.

Папа не разрешил... Папа считает... Папа запрещает... Интересно, а мама-то в этой семье есть? Рубцов ничего не сказал об этом.

– Женя, а где ваша мама? – спросил Сергей, оглядывая комнату и пытаясь углядеть признаки присутствия в этом доме взрослой женщины.

– Не знаю, – девушка равнодушно пожала плечами. – Папа отсудил меня у мамы, когда мне было два годика. Я ее больше не видела.

Вот те на! Отсудил. Стало быть, речь идет о лишении родительских прав в связи с алкоголизмом матери, психическим заболеванием, судимостью или невероятно аморальным образом жизни.

– Не хотите рассказать мне об этом?

– А тут и рассказывать нечего. Они даже женаты не были. Просто кратковременное знакомство, ошибка молодости.

Зарубин с трудом удержался, чтобы не улыбнуться. Эта девочка с высоты своих немногочисленных прожитых лет так авторитетно ставила штампы на жизнь своих родителей! Впрочем, возможно, она лишь повторяла то, что слышала от отца.

– И вы всегда жили вдвоем? – поинтересовался он. – Ваш отец так и не женился?

– С нами жила наша родственница, она была чем-то вроде няни.

– И где она теперь?

– Умерла. В прошлом году.

На глазах у Жени выступили слезы, губы дрогнули. Девушка на секунду отвернулась, потом решительно тряхнула головой, взметнув над плечами волну длинных густых блестящих волос. Теперь она снова смотрела в лицо Сергею, взгляд спокойный и приветливый.

– Извините, не справилась с собой. Я очень любила Раечку.

– Я понимаю...

Зарубин тревожно прислушивался к себе. Хорошая девочка, умненькая, воспитанная, на отъявленную лгунью не похожа. Тонкая трикотажная маечка без рукавов позволяет рассмотреть руки – они чистые, никаких следов от уколов, так что если имеется проблема с наркотиками, то это скорее всего «травка» или таблетки. Зрачки нормальные, губы не облизывает, повышенной жажды явно нет. Нет и болезненной худобы, которая зачастую сопровождает употребление наркотиков. Незаметны и характерные для наркоманов попытки преувеличить свои несчастья. Что же его так беспокоит в этой девочке? Что ему мешает ей поверить?

– Опишите, пожалуйста, внешность вашего поклонника, – попросил Сергей.

– Высокий, блондин...

– В желтом ботинке? – с улыбкой подсказал он.

Женя рассмеялась. Смех у нее был звонкий и переливчатый.

– На ботинки я не посмотрела. Но он действительно высокий и светловолосый.

– Какого цвета волосы? Поточнее, пожалуйста. Льняные, золотистые, пшеничные, в рыжину?

Женя задумалась, а Зарубин с досадой подумал о том, что не догадался позвать с собой Мишу Доценко. А еще лучше – прислать его вместо себя. Мишку девицы обожают, хотя ему во что бы то ни стало понравиться, а потому с удовольствием вспоминают все, что нужно, в мельчайших деталях. И потом, Мишка мастерски умеет заставить людей вспоминать, а тут, судя по всему, случай тяжелый: девочка видела своего поклонника всего один раз, да и то не вчера, прошло немало времени. Натура у Женечки романтическая, недаром писем не испуга-

лась, наоборот, приняла их как должное, а это скорее всего привело к тому, что и внешность таинственного обожателя претерпела в ее воображении некоторые изменения. Наверняка тот портрет, который она сейчас рисует, выгодно отличается от того, который она видела на самом деле. Да, Мишаня был бы здесь в самый раз...

Глава 5

После разговора с Женей Рубцовой у Зарубина осталось какое-то странное ощущение, мешавшее ему сосредоточиться на решении главного вопроса: принимать предложение господина Рубцова или отказаться. Само по себе предложение, по форме напоминавшее скорее приказ, на данный момент не казалось Сергею ни сомнительным, ни опасным, тем более девочка полностью подтвердила рассказ отца, если не считать чисто эмоционального отношения к случившемуся. Да, папаша полагает, что за его драгоценной дочерью охотится маньяк либо, что еще хуже, она связалась с какой-то темной компанией, о которой и рассказывать-то стыдно и боязно. Да, сама девочка считает, что все просто отлично, в нее влюбился прекрасный принц и забрасывает ее романтическими письмами, тихо и преданно страдая вдали от объекта своей неземной страсти. Но по сути и по фактуре все совпадает, то есть папаша не врет и не пытается втянуть сотрудника уголовного розыска неизвестно во что. Но что-то все-таки Зарубину мешало, и связано это было вовсе не с папашей Рубцовым, а с самой Женей.

Он вернулся на работу и до конца дня бездельничал в кабинете, который делил с тремя другими оперативниками. Разумеется, в полном смысле слова это не было бездельем, Зарубин проверял личность Рубцова, выяснял, не было ли неприятностей с милицией у его дочери, читал и перечитывал письма, полученные Женей от неизвестного поклонника, а также пытался разными способами поймать за лапку или за хвостик ту неведомую мохнатую зверушку, которая поселилась в нем и потихоньку шкодила, нашептывая разные пакости про милую молоденькую девчушку Женечку. К семи часам вечера Сергей выучил тексты писем наизусть, а также получил сведения о том, что Женечка Рубцова в милиции была два раза – в первый раз получала паспорт, во второй – справку о российском гражданстве для выезда на Украину. Сам же господин Рубцов, проживающий вместе с дочерью по адресу... с такого-то года... коренной москвич, генеральный директор фирмы «Коннект»... адрес фирмы не липовый, а вполне реальный, там расположен офис, а в офисе сидят сотрудники, в общем, все как у людей и ничего плохого.

Около семи часов неожиданно позвонил Миша Доценко.

– Серега, ты сильно занят?

– Свободен. У меня после суток честно заработанный прогул.

– Ага, – засмеялся Доценко, – вижу я, как ты прогуливаешь. От рабочего станка отойти не можешь. Съездишь со мной очередную хатку посмотреть?

– Запросто.

Сергей уже несколько раз ездил вместе с Мишей смотреть квартиры, которые подбирал один весьма предприимчивый маклер. Обычно уверенный в себе Доценко вдруг отчего-то начинал ужасно стесняться и не мог заставить себя задавать хозяевам квартиры те вопросы, которые совершенно спокойно и естественно задавал Зарубин. Вот и сегодня Сергей, едва переступив порог, принялся задумчиво изучать состояние стен, пола и потолка, качество оконных рам и межкомнатных дверей. Жилье действительно было, мягко говоря, несколько запущенным. Пока Миша разговаривал с хозяйкой, Зарубин заглянул на кухню. Его цепкий взгляд тут же заприметил далеко не одинокого таракана, деловито снующего по краю стола. Воровато оглянувшись, Сергей открыл дверцу тумбы под мойкой, где обычно стоит мусорное ведро. Так и есть, налицо явные следы присутствия мышей. Он вернулся в комнату и дернул Мишу за рукав.

– Мы подумаем, – сказал он, улыбаясь как можно обаятельнее, – и в течение двух дней вам сообщим. Идем, Михаил.

Доценко послушно вышел следом за ним и потопал вниз по лестнице. Отойдя от квартиры на безопасное расстояние, он остановился.

– А здесь тебе что не понравилось? – расстроенно спросил он. – Такая квартира славная, и к Иркиному дому близко, минут десять пешком.

– Мишаня, я готов согласиться с тем, что квартира славная, если ты готов всю оставшуюся жизнь бороться с мышами и тараканами. Это дом такой, понимаешь? Он весь поражен грызунами и насекомыми насквозь, и никакие патентованные средства тебе не помогут. Единственный способ решения проблемы – это сделать дорожный ремонт и превратить квартиру в герметичную камеру, чтобы к тебе от соседей всякая нечисть не приползала. У тебя есть столько лишних денег?

– Нет, – грустно признался Михаил, – у меня лишних вообще нет. Выходит, опять облом... Ты знаешь, мне иногда кажется, что из-за этой квартирной проблемы мы с Иркой никогда не поженимся.

Он взглянул на часы и огорченно вздохнул.

– Надо бежать к Стасову, доложить о походе, Иришка уже нервничает, наверное. Она и так-то расстраивалась, что не смогла пойти со мной смотреть квартиру. Надеется, что в этот раз я принесу хорошую новость, а тут снова неудача. Пойдешь со мной?

– Нет уж, – усмехнулся Зарубин, – благодарю покорно.

– Почему? – искренне удивился Миша. – Пошли, Серега, хоть поешь от пуза. И малыша посмотришь, он тебя любит, даже спрашивает иногда про «дядю Севозю». Пошли!

– Я домой поеду, – решительно ответил Сергей. – Спать хочется, я же после суток все-таки, не забывай. И потом, Мишутка, имей в виду, что ты разрушил мое личное счастье. Раз в жизни я встретил достойную любви свободную женщину, подходящую мне по возрасту и – что самое главное – по росту, как появился расчудесный ты и отбил ее. Придется мне снова возвращаться к контингенту юных глупышек.

Зарубин, конечно, шутил насчет разрушенного личного счастья, но в одном он был совершенно серьезен: весьма невысокий (чтобы не сказать маленький) рост существенно затруднял Сергею устройство личной жизни, сужая круг поиска подруги сердца до микроскопических размеров.

– Кстати, – вдруг спохватился Доценко, – о юных глупышках. Коль скоро это твой контингент, то, может быть, ты слышал о такой группе «Би-Би-Си»? Говорят, наша московская юная поросль от нее тащится.

Сергей вытаращил глаза, на мгновение задержал дыхание и с облегчением выдохнул.

– Все, я понял. То-то мне это покоя полдня не давало. Я понял, Мишка! Ура! Теперь можно спокойно идти спать.

– Ты о чем? Что такого необыкновенного ты понял?

– Я понял, на кого она похожа. Просто жутко похожа.

– Кто похож? На кого? – недоумевал Доценко.

– Да девочка одна. Я по работе с ней столкнулся сегодня. Практически одно лицо с солисткой этой группы «Би-Би-Си», кажется, ее зовут Светлана. Точно, Светлана Медведева.

– Так, может, это она и была? – предположил Миша.

– Нет, что ты, это тихая забитая девочка, напрочь задавленная папашей-деспотом. Ей какой-то неизвестный поклонник письма пишет, папаша попросил разобраться в свободное от работы время. И зовут ее Женя Рубцова, а вовсе не Света Медведева.

До подъезда дома, где жила Ирочка, оставалось несколько метров, и Зарубин остановился, готовясь протянуть Михаилу руку, но Доценко ухватил его за предплечье и потянул к входной двери.

– Не судьба тебе поспать, Серега. Пойдем вместе, кое-что обсудить надо. Похоже, мы с тобой пересеклись.

* * *

Щенок снова заскулил, на этот раз еще более пронзительно и жалобно. Он плакал уже третью ночь подряд, Чистяков по утрам ходил злой и невыспавшийся, Настя чувствовала себя виноватой во всех грехах и мировых бедах, а хозяин щенка до сих пор не объявлялся, хотя Настя добросовестно расклеила объявления на всем пути от своего дома до станции метро «Щелковская».

В первый же вечер, едва принеся щенка домой, Настя позвонила Андрею Чернышеву, владельцу замечательной овчарки, и получила неотложную консультацию по обращению с лохматым комочком. Андрей предупредил, что щенок будет по ночам скулить, потому как, судя по описанным Настей размерам, возраста он еще весьма нежного и будет непременно отчаянно скучать либо по мамке, либо по прежнему хозяину, либо по обоим вместе. Единственный способ успокоить несчастного и дать возможность выспаться себе и окружающим – взять щенка в постель, но делать это ни в коем случае нельзя, ибо щенок явно крупной породы, и, когда он вырастет, хозяева будут иметь массу проблем с собакой, которая станет с искренней убежденностью в своей правоте воевать с ними за место на диване.

– Чтобы он не плакал, надо дать ему возможность прижаться к теплому телу, – объяснял Чернышев. – Он прижмется, как к мамке, и успокоится.

– А что же делать, если в постель нельзя? – растерянно спросила Настя. – Что мне, всю ночь сидеть в кресле с ним на коленях?

– Есть вариант, он физически не очень удобный, но уж помучайся, раз втянулась в эту историю, – усмехнулся Чернышев. – Чистякова укладываешь у стенки, сама ложишься с краю, подстилку кладешь рядом с диваном, свешиваешь руку на пол, и щенок утыкается в нее мордой.

– Думаешь, поможет?

– Попробуй. Я со своим псом именно так поступал.

Третью ночь подряд Настя спала, вернее – пыталась спать, свесив руку на пол. Рука затекала, мучительно хотелось перевернуться на другой бок и привычно засунуть ладонь под щеку, но она терпела. Иногда глубокий сон одолевал ее, и тогда Настя, потеряв над собой контроль, убирала руку и устраивалась поудобнее. И уже через минуту раздавалось тоскливое повизгивание, вскоре переходящее в непрерывный скулеж. Настя вздрагивала, испуганно косилась на Чистякова, понимала, что он тоже проснулся, но из деликатности делает вид, что спит, быстро поворачивалась, опускала вниз руку, нащупывала теплый комочек и шептала:

– Ш-ш-ш, маленький, тише, тише, я здесь.

Щенок затихал, рука через некоторое время начинала затекать и неметь, снова наваливалась дремота – и все повторялось сначала.

Этой ночью Насте не удавалось даже задремать. Лежа на животе на краю дивана, она тихонько поглаживала щенка и обдумывала новую информацию, которую поздно вечером сообщил ей Доценко. Итак, что мы имеем? Некий молодой человек тайно влюблен в девушку, похожую на певицу Светлану Медведеву из группы «Би-Би-Си». Двух других молодых людей находят убитыми после того, как они (вероятно, не без удовольствия) послушали выступления указанной группы. А первый молодой человек в то же самое время пишет своей возлюбленной письмо, в котором утверждает, что никому не позволит отзываться о ней плохо и что, более того, он это доказал на деле. Интересно, на каком?

Ночную тишину пронзил зудящий назойливый звук, комар искал посадочную площадку на Настиной щеке. Она подняла руку, чтобы вовремя прихлопнуть негодяя, и тут же отозвался тоненьким повизгиванием проснувшийся щенок. «Черт, не будет мне покоя в этом доме, – с досадой подумала Настя. – Щенок, комары, убийцы, письма от поклонников, жара, духота –

и зачем так много мне одной? Для того чтобы не дать мне поспать, вполне достаточно было бы чего-нибудь одного».

Она откинула простыню, которой ввиду жары укрывалась вместо одеяла, подхватила щенка на руки и на цыпочках вышла на кухню, плотно притворив дверь в комнату. Было бы попрохладнее – она с удовольствием выпила бы кофе, но горячий напиток в такую липкую жару совершенно не вдохновлял. Накинув тонкий халатик, она налила стакан воды из-под крана, уселась на мягкий диванчик с деревянной спинкой, вытянула ноги, устроила щенка у себя на коленях. На чем она остановилась? Ах да, на том, что неизвестный поклонник что-то там такое доказал на деле. Ну что ж, картинка вырисовывается не очень внятная, но зато вполне логичная. Юноша, преклоняющийся перед музыкальным гением Светланы Медведевой, банально обознался, принял за нее совершенно постороннюю девушку, пишет ей письма, а заодно попутно убивает тех, кто во время выступления его кумира позволяет себе нелестные высказывания в адрес певицы, о чем и сообщает ей в письмах в весьма завуалированной форме. То есть если не знать о трупах Курбанова и Фризе, то догадаться, что речь идет об убийстве, просто невозможно. Лихо! Это до какой же степени у человека должно быть не все в порядке с головой, чтобы такие фокусы выделять! Станный он все-таки...

Щенок подозрительно завожился и спрыгнул на пол. Настя не сразу сообразила, в чем дело, потом судорожно вскочила и метнулась в прихожую, где на полке были сложены старые газеты. Она успела вовремя, тоненькая струйка пролилась прямо на подставленный газетный лист. Скомкав газету, Настя достала из кухонного ящика пакет, сунула туда «одноразовый собачий туалет» и поставила пакет в прихожей возле входной двери. Утром, уходя на работу, она это выбросит. Интересно все-таки жизнь устроена, всего три дня прошло, а уже все существование двух взрослых людей в этой квартире подчинено одному – трехмесячному щенку. Газеты, которые прежде безжалостно выбрасывались на следующий же день, теперь аккуратно складывались на полку. В красиво отремонтированной кухне на самом неподходящем, но единственно возможном месте стояли две мисочки – для воды и для еды. В холодильнике появилось молоко, которое ни она, ни Чистяков терпеть не могли и никогда не покупали, а также мелко нарезанное сырое мясо. На плите, портя внешний вид рабочей зоны, постоянно находилась кастрюлька с замоченной овсянкой, из которой в случае необходимости можно было за пять минут приготовить кашку. В ванной валяется тряпка для замывания пола на тот случай, если Настя или Леша не успевали в нужном темпе повернуть операцию по водружению щенка на газетку. По комнате разбросаны игрушечные мячики и косточки, а пара Настиних перчаток и Лешкины ботинки еще вчера перекечевали в мусорное ведро по причине полной и безвозвратной изгрызенности. Теперь приходилось постоянно следить за тем, чтобы в доступных щенку местах не оставался без присмотра ни один предмет, который даже теоретически мог бы представлять для него интерес. А интерес для него представляло все без исключения, ибо щенок, которого Настя и Чистяков называли просто Парнем, был юн и полон исследовательского энтузиазма в познании мира, пусть пока и ограниченного рамками маленькой однокомнатной квартиры. И еще бессонные ночи, наполненные тоскливым жалобным щенячьим плачем.

Пописав, Парень снова принялся скулить.

– Слушай, может, у тебя болит что-нибудь? – озабоченно спросила Настя вслух, вероятно, рассчитывая получить внятный ответ. Но ответа отчего-то не последовало. Щенок смотрел на нее грустными глазами и тихонько подвывал.

В первый же день Андрей Чернышев ее предупредил:

– Щенок совсем маленький, может быть, ему еще не делали прививок. Без прививок он вообще не должен появляться на улице. Так что будь готова к тому, что, пока он гулял, вполне мог нахвататься какой-нибудь гадости, или к другим собакам подходил, или сожрал что-нибудь, что под ногами валялось. Может заболеть. Чуть что – сразу тащи к ветеринару.

Легко сказать: сразу тащи к ветеринару! Сама Настя целый день на работе, а Чистяков дает уроки. Хороша будет картинка: сидит будущий выпускник или абитуриент, весь обложенный тетрадками и задачками, а профессор носится по квартире, вытирая щенячий понос, и кричит: «Вы тут порешайте задачки, а я к ветеринару стоняю!» Бред какой-то! Прав был Лешка, когда сердился на нее, пять минут жалости к потерявшемуся малышу – и куча проблем.

Настя взяла щенка на руки, пощупала носик. Вроде все в порядке, холодный и влажный. Значит, не болеет, уже хорошо. Она принялась ходить взад-вперед по кухне, баюкая Парня и продолжая копаться в сведениях об убийствах, связанных с рок-группой. Интересно, этот жутковатый поклонник случайно оказывался в тех местах, где выступала «Би-Би-Си», или он фанат и отслеживает все их выступления? Если фанат, то уже легче, найти его будет несложно. Муторно, конечно, придется путем опросов всех их выявлять, проверять, разрабатывать, но гигантского интеллекта это не потребует, только кропотливости и тщательности. А вот если он случайно забредал на выступления Медведевой, то это куда хуже. Это уже вычислять придется среди всего населения Москвы и области.

Глаза у Насти слипались, голова кружилась, давал себя знать беспокойный, урывками, сон в предыдущие ночи. Взгляд ее то и дело останавливался на кухонном угловом диванчике. Конечно, в полный рост на нем не вытянешься, но если свернуться калачиком... В конце концов, малодушно подумала она, речь шла только о том, что нельзя брать щенка в постель. А на диванчик? Про диванчик на кухне разговоров не было. Ну и что такого страшного, если собака будет забираться на кухонный диван? Не в постель же. И потом, может быть, у его будущих хозяев на кухне не окажется никакого дивана, и никаких проблем не возникнет вообще.

Настя понимала, что лукавит сама с собой, но она очень устала и очень хотела спать. Забравшись на диванчик, она уютно устроилась, поджав ноги, обняла щенка и тут же провалилась в блаженный глубокий сон.

* * *

Я никогда не понимал людей, которые жалуются на то, что они несчастливы. Эти люди кажутся мне утлыми и ущербными, умственными инвалидами, которых не природа обделила умением быть счастливыми, а сами они, своими собственными руками лишили себя этой способности. Конечно, нельзя сказать, что я счастлив всегда и по любому поводу, тупо и безоговорочно. Нет, моя душа знает как взлеты восторга, так и отчаяние тоски, отчаяние глухое, черное и липкое, которое исходит из меня и втягивает своими намазанными клеем щупальцами в мою душу всякую дополнительную грязь и гадость, утяжеляя и без того мрачное состояние духа. Я – нормальный человек, поэтому грущу и горюю не реже других, но я умею быть счастливым и не понимаю людей, которым этого не дано.

Впервые ощущение абсолютного, полного и никем не отнимаемого у меня счастья я испытал в Альпах, когда мне было четырнадцать лет. У моего старшего брата Кости была высокооплачиваемая работа и куча таких же денежных друзей, вместе с которыми они и затеяли ту поездку, чтобы повеселиться и заодно покататься на горных лыжах. Наши родители восприняли Костину поездку с радостью, но потребовали, чтобы он взял меня с собой.

– Нельзя упускать возможность показать мальчику Альпы, – говорила мама. – Кто знает, может быть, он сам не сможет туда поехать, когда вырастет.

Косте идея взять меня с собой в свою мужскую компанию вовсе не улыбалась, я видел это по его глазам.

– Зачем ты унижаешь ребенка, – вяло возражал он, – вырастет, получит хорошую профессию, заработает денег и сам поедет куда захочет.

Но родители были непреклонны, ибо не верили в устойчивость нового курса, которым двигалась наша страна, поскольку движение это было больше похоже на шаткую походку боль-

ного чумкой щенка, который пока еще ползет, но в любой момент может упасть и больше не подняться. Тогда, в девяносто четвертом году, ездить можно было сколько угодно и куда угодно, но не было никакой уверенности, что все так и останется. Слишком долго мама и отец прожили при режиме, когда ездить за границу просто так было нельзя, и они опасались, что все вернется на круги своя.

– Не будь эгоистом, – твердо сказал отец. – Не лишай брата такой радости.

Костя вообще был добрым, а к родителям относился особенно нежно, поэтому сильно упорствовать не стал. Так я оказался в Австрийских Альпах, чувствуя себя лишним и ненужным среди энергичных двадцатипятилетних бизнесменов, которые в первый же день отправились в местные спортивные магазины покупать лыжи, ботинки и комбинезоны. Меня с собой не брали, с самого начала заявив, что на лыжах я кататься не буду – мал еще, сломаю ногу или руку, им лишние хлопоты со мной не нужны. Не могу сказать, что я был расстроен таким отлучением. Горные лыжи меня не привлекали, общество постоянно сосущих пиво бугаев, сыплющих с умным видом непонятными мне словами «Россиньолы», «Саломоны» и «Кили», вызывало отвращение, и я искренне недоумевал, что привлекательного они находят в том, чтобы ежедневно напяливать на себя тяжеленные ботинки, взваливать на плечи лыжи и тащиться за тридевять земель к подъемникам ради сомнительного удовольствия съехать с горы вниз.

Они уходили кататься, а я оставался предоставленным самому себе. Рядом с нашим отелем начиналась и уходила вверх тропа, которая, как свидетельствовала деревянная табличка, именовалась «Променад доктора Мюллера». Никто по этому променаду не ходил. Никто, кроме меня. И вот там, на тропе, я переживал минуты такого острого и полного счастья, какое было неведомо мне до той поры. В полном одиночестве, окруженный тишиной, огромными деревьями, синим небом и ослепительным снегом, я садился на скамейку и погружался в счастье. Оно обволакивало меня, вливалось в мое тело через все поры, растекалось по жилам вместе с кровью, а иногда мне казалось, что вместо крови, и пьянило голову, в которой рождались причудливые картины, яркие, как широкоформатный американский фильм про звездные войны, и загадочно-изысканные, как стихи Аполлинера. Там, в Альпах, существовал мой собственный мир, не имевший ничего общего с компанией брата Кости, не соприкасавшийся с ежедневной суетливой жизнью туристов-горнолыжников, мир, закрытый для всех и доступный только мне одному. Здесь было мое королевство, здесь я царствовал, создавал собственные законы, казнил и миловал в соответствии с мною же придуманным и утвержденным кодексом, здесь, среди вековых деревьев и вечной тишины, служили мне мои вассалы и самые прекрасные женщины мира с упоением бросали свои сердца к моим ногам. Здесь заливались трелями изумительной красоты птицы, здесь гордые дикие звери покорно склоняли гривастые головы и лизали мне руки. Здесь, среди этого великолепия, поселилась моя душа, и все это великолепие навсегда обрело свое место в моей душе.

Потом я возвращался в отель, чтобы идти обедать вместе со всеми. Я, конечно, с гораздо большим удовольствием обедал бы в одиночестве, но Костя не давал мне денег, считая меня ребенком, не способным правильно распорядиться сотней шиллингов. Если бы он знал, какими суммами я ворочал в своем горном царстве! Но он ни о чем не догадывался, и это было правильно. Единожды разглашенная, тайна моего мира была бы разрушена дотла. Костя вообще-то не был жадным и ничуть не огорчился бы, узнав, что я потерял деньги или просадил их в игровых автоматах, но он был строго-настрого проинструктирован мамой и отцом и помнил древнюю заплесневелую истину о том, что выпитый раньше времени бокал пива непременно ведет к безудержному пьянству и ранней смерти от алкоголизма. Из-за отсутствия денег я вынужден был терпеть общество всей компании днем, во время обеда, и вечером, когда становилось темно, ибо вторым родительским наказом было не отпускать меня одного в темное время. Брат и его приятели с какими-то девицами-немками до поздней ночи шатались по барам, а я плелся за ними, стараясь при любой возможности найти себе местечко в уголке

и тихонько потягивать свою кока-колу, подальше от их громкого ржания и сальных шуточек. Тоскливо поглядывая на часы, я ждал, когда же мы наконец вернемся в отель. Потому что после возвращения можно было ложиться спать в сладостном предвкушении утра. Я вскакивал раньше Кости, с которым жил в одном номере, и бежал на завтрак, для которого не нужны были деньги, так как он входил в стоимость путевки. Наспех залив в себя три стакана сока и запихнув несколько хрустящих теплых булочек с маслом и джемом, я убегал. Убегал к себе, в свой мир, в свое царство.

А потом все закончилось. Пронеслись две недели, отведенные Костей и его приятелями для зимнего отдыха, и мы вернулись домой. Мама первым делом принялась допытываться, возил ли Костя меня в Зальцбург и посетили ли мы все указанные в путеводителях достопримечательности этого старинного города. Выяснив, что, кроме баров, брат никуда меня не водил, родители устроили Косте бурную сцену, обвиняя его в тупости и неинтеллигентности. Они, дескать, попросили его приобщить ребенка к мировой культуре, а он бездарно потратил две недели на пьянство и разгильдяйство. Я молчал, потому что не мог же я объяснять им, что за эти две недели пережил такой душевный подъем, который никогда не испытал бы ни в каком музее.

На следующий год Костя снова собрался ехать за границу на горнолыжный курорт, и я с замиранием сердца ждал, что родители и в этот раз велят ему взять меня с собой. Но ожидания мои не оправдались, Костя ехал уже не с друзьями, а с девушкой, на которой, судя по всему, он собирался в скором времени жениться. Мама и папа проявили деликатность и не стали навязывать ему младшего братца. Прошел еще год, и в феврале девяносто шестого брат в очередной раз собрался кататься на лыжах. На предыдущей девушке он так и не женился, расставшись с ней, кажется, прямо в Альпах или сразу же после возвращения оттуда, теперь у него была другая пассия, потрясающей красоты и невероятной длинноноготности.

Меня снова не взяли в горы, но к тому времени мне уже этого и не хотелось. Первое время после возвращения из Австрии я мечтал только о том, чтобы вернуться туда, в свое королевство, и считал его безнадежно утерянным, но прошло несколько месяцев, и я понял, что мой мир остался в моей душе и будет со мной всегда, где бы я ни находился. Я внезапно понял, что мне совершенно не нужно ехать в горы, чтобы править бал в своем дворце. Я могу делать это всегда и везде, в своей комнате на окраине Москвы, в школе во время уроков, в метро, на дискотеке. И уже никакого значения не имело, возьмет меня Костя в горы или нет.

Из той поездки брат не вернулся. Вместо него вернулся цинковый ящик с переломанным искалеченным телом. Длинноногая красавица тоже не вернулась, она в тяжелом состоянии лежала в какой-то австрийской клинике. В тот день постоянно предупреждали об опасности схода снежных лавин, об этом твердили все – от портье в отеле до служителей трассы, обслуживавших подъемники. Здравомыслящие лыжники вообще не стали в тот день кататься, те, кто понахальнее, все-таки несколько раз съехали с горы и уже к полудню вернулись в свои гостиницы. Костина девушка при всей своей невероятной красоте была к иностранным языкам абсолютно неспособна и не понимала ни немецкого, ни английского, так что смысла бесконечно повторяемых предупреждений не уловила. Кроме того, она обладала замечательным свойством не обращать внимания ни на что, в том числе и на поведение окружающих ее людей. Наверное, она была в чем-то похожа на меня, жила в своем замкнутом мирке и старалась не соприкасаться с тем, что было ей неприятно. Возможно, я неправильно ее понимал, но в любом случае результат оказался налицо: она ухитрилась не заметить, что все лыжники поспешно покидают горные склоны и служители у подъемников делают ей устрашающие жесты. Высоко подняв красивую голову, она проходила мимо них, царственно улыбаясь, и вновь устремлялась вниз по спуску, отмеченному на планах черной линией – «высшая сложность, только для профессионалов». Костя, прекрасно говоривший по-немецки, ситуацию оценивал правильно, но отчего-то промолчал. Я неплохо знал своего брата и, наверное, единственный из всех понимал,

почему он не сказал своей красавице об опасности. Он боялся выглядеть трусом в ее глазах. Если бы опасность была по-настоящему серьезной, подъемники просто закрыли бы и лыжников не пускали бы на склоны. А коль пускают – стало быть, кататься можно, и нельзя ему, ну никак нельзя сказать: «Давай вернемся». Девушка хотела кататься, и его долг – доставить ей это удовольствие, чего бы оно ни стоило.

Потом, после похорон, некоторые говорили, что Костя был пьян, поэтому не справился со сложным спуском, а лавина тут ни при чем. Когда отец услышал такие разговоры, он подозвал меня к себе и сказал:

– Твой брат был настоящим мужчиной. Только настоящий мужчина способен на безумство ради женщины. И не верь, если тебе будут говорить дурно о Константине. Ты не должен думать, что твой брат погиб нелепо. Он прожил прекрасную, хоть и короткую, жизнь и умер прекрасной смертью, оберегая женщину, которую не захотел отпустить одну туда, где опасно. Я горжусь своим сыном и хочу, чтобы ты гордился своим братом и был похож на него.

С тех пор прошло больше трех лет. И каждый раз, когда я гляжусь в зеркало, я отмечаю, что становлюсь все больше и больше похожим на Костю. У меня те же выющиеся волосы и голубые глаза, такие же плечи, та же посадка головы. Если бы я верил в переселение душ, я был бы уверен, что Костя теперь живет во мне.

* * *

Вечером опять намечалась компания, и, сидя в раздолбанных «Жигулях» Биримбека Бейсенова, которого в группе называли просто Бек, Света лениво думала о том, что убирать в квартире она, пожалуй, не станет. Все равно всё изгадят, убирай – не убирай, толку никакого. Надо бы пива купить ящика три-четыре, Бек на машине к подъезду подвезет и к квартире подтащит. К приходу гостей Света обычно не готовилась, в их кругу было принято гостям самим заботиться о закуске и выпивке, но пива все равно обычно не хватало, и начиналась свара: кому бежать в ближайший киоск. Девчонки, более покладистые, в спорах не участвовали, потому что такую тяжесть им все равно не донести, а парни все как один на машинах, ну что тут делать-то, на две минуты трудов, а разговоров на три часа.

– Бек, давай за пивом заедем, – не то попросила, не то приказала Светлана.

– Опять гулянка? – неодобрительно усмехнулся молодой человек.

– А что такого? Кому я чего должна? Мы же сегодня как бы не работаем.

– Завтра работаем.

– Так то завтра...

– Опять будешь не в форме.

– Не свисти, накаркаешь, – хохотнула Светлана. – Если пиво будет свежее, то и я буду в форме. А от отравы никто как бы не застрахован. Ты мне тот случай теперь до самой смерти вспоминать будешь?

– Буду, – Бек не отрывал глаз от дороги и говорил сквозь зубы, не поворачивая головы, поэтому Света слышала его не очень хорошо. Чтобы разобрать слова, ей приходилось напрягаться, и от этого она злилась на Бека еще больше. Но ссориться не хотелось, надо бы сперва пивом затовариться.

– Ты же не одна работаешь, нас трое, – продолжал он. – Борька меру знает, я вообще не пью, а ты всех нас подставляешь.

– Я тоже свою меру знаю, – огрызнулась Света. – И вообще, это не твое дело. Живу так, как мне нравится. На репетиции прихожу вовремя, выступления как бы не срываю. Даже Папа мне замечаний не делает. Так что ты вообще заткнись.

Папой они называли своего директора, но отнюдь не потому, что был он им как отец родной, а всего лишь отталкиваясь от его фамилии – Папоров.

Бейсенов остановил машину возле супермаркета, однако намерения выйти вместе со Светланой не выказал.

– Пойдем со мной, – пришлось попросить ей. – Мне одной не донести.

Вот всегда так! Всегда он ведет себя таким образом, что ей постоянно приходится унижаться и просить. Никогда сам помощь не предложит. Светлана даже самой себе не признавалась, что терпеть не может Биримбека. Слишком уж сильно отличался он и от нее, и от Бориса. Всегда собранный, сдержанный, не пьет, не курит, матом не ругается, соблюдает какую-то восточную диету, ложится рано, вскакивает ни свет ни заря. Все его интересы сосредоточены только вокруг станка, у которого он готов заниматься с утра до ночи. Нет, он, конечно, танцовщик – дай бог каждому солисту Большого театра такой талант, но с этим никто и не спорит. Однако надо же и человеком быть, а не какой-то там танцевальной машиной. Никогда в компании не посидит, сколько ни зазывала его Светлана на свои вечеринки, всегда отказывается. Они выступают вместе уже больше года, и все это время рядом с Бекком одна и та же девица. У Борьки поклонниц, готовых по первому требованию предоставить тело, за год штук двадцать сменилось, а этот со своей мымрой как пришитый. И мымра-то эта доброго слова не стоит, невзрачная какая-то, и ноги кривые. Бек со своей экзотической внешностью мог бы иметь самых красивых девушек Москвы, а он... Светлана исподтишка бросила взгляд на Бейсенова. Стройный, темноглазый, выкрашенные в белый цвет волосы контрастировали со смуглым скуластым лицом и восточным разрезом глаз. Не парень – картинка! Сколько девиц к Светлане подкатывались на тему «познакомить с Бекком», да куда там...

В супермаркете она не спеша двинулась между прилавками, посматривая по сторонам и мысленно прикидывая, чего бы еще такого полезного купить, раз уж подвернулись транспорт и рабочая сила. Можно было бы закупить всего, чтобы недели на две-три хватило, но где ж столько денег взять? Деньги, деньги, вечная проблема. Господи, настанет ли в ее жизни тот день, когда не придется их считать, выгадывая на мелочах? Ладно, пожалуй, кроме пива, для вечеринки ничего покупать не надо.

Света решительно направилась в ту часть зала, где стояли многочисленные банки и бутылки с пивом разных сортов. И вдруг услышала неподалеку знакомый голос:

– Ты, кажется, говорил, что салфетки кончились. Какие возьмем, в клеточку, как обычно, или с рисунком?

Ольга Плетнева, соседка. Надо же, оказывается, она тоже делает покупки в этом супермаркете, хотя он довольно далеко от дома. Сама Света здесь оказалась только потому, что Бек привез. Впрочем, Ольга с кем-то разговаривает, с мужем, естественно, он тоже мог привезти ее сюда на машине, магазин хоть и далеко от дома, но хороший, в нем все есть, и цены приемлемые.

Светлана сделала было шаг в ту сторону, откуда доносился голос соседки, когда заговорил мужчина:

– Не будем изменять традициям, бери в клеточку. Пачку фиолетовых и пачку зеленых.

Света застыла, потом попятилась назад. Голос принадлежал вовсе не Павлу, мужу Ольги. Очень интересно! Может быть, она ошиблась, и там, по ту сторону высокой стойки, вовсе не Ольга? Хороша бы она была, если бы вылетела сейчас на них из-за угла с радостным криком «Привет!». Бек молча стоял рядом, терпеливо ожидая, когда она наконец выберет свое пиво.

– Подожди минутку, я, кажется, встретила знакомых, – шепотом сказала Света и быстро пошла туда, откуда доносились голоса.

Осторожно выплянув из-за стойки, она убедилась, что слух ее не подвел. Это действительно была Ольга Плетнева, а рядом с ней – роскошный мужик. Светлане хватило двадцати секунд, чтобы оценить его в долларовом эквиваленте. Брюки и легкая рубашка от Версаче – тысячи полторы, не меньше. Очки в оправе от Армани, на руке – часы на широком плоском браслете из платины. Конечно, Света не была таким уж экспертом-ювелиром, чтобы с расстоя-

ния в три метра невооруженным глазом отличить платину от любого другого металла, но точно такие же часы она недавно видела в очень дорогом бутике и, помнится, несказанно удивилась их цене. Тогда-то ей и объяснили, что это платина, а циферблат отделан крошечными бриллиантами. Ну и имя фирмы, разумеется, дорогого стоит.

Она быстро вернулась к Беку и потащила его к прилавку с пивом.

– Бери вот этот ящик, этот и вот этот тоже, – вполголоса скомандовала она, указывая на упаковки «Баварии», «Хейнекена» и «Гессера».

Они встали в очередь к кассе. Народу было немного, и Светлана все время оглядывалась, отчего-то не желая, чтобы Ольга ее заметила. Она злилась на весь мир, но в первую очередь – на соседку. «И почему одним все, а другим – ничего? Муж есть, деньги есть, так у нее еще и любовник! Салфеточки они, видите ли, покупают! Гнездышко выют! Мужу изменяет, мерзавка, а сама меня жизни учит. Ну ничего, Олечка, ты у меня поплачешь еще!»

От чего именно должна будет поплакать соседка, Светлана еще не придумала, но желание сделать ей какую-нибудь пакость было настолько сильным, что девушка не сомневалась: так и будет.

Расплатившись, она пулей вылетела из магазина, радуясь, что удалось разминуться с соседкой.

– Давай быстрее, – нервно торопила она Бека, загружавшего пиво в багажник.

– Куда торопишься? – сквозь зубы усмехнулся Бек. – До вечера еще далеко, успеешь надраться.

– Заткнись, – буркнула Света, забираясь в машину, похожую на раскаленную печку.

Через пятнадцать минут они подъехали к дому. Светлана сразу увидела возле подъезда серебристый «Вольво» Павла Плетнева. Стало быть, муж дома, а жена с любовничком развлекается! Ну разве это справедливо? Нет, твердо решила Света, поднимаясь вместе с Беком на лифте, это несправедливо, и это нужно исправить. И не абы как, а в выгодном для нее, Светки Медведевой, направлении.

Глава 6

Биримбек Бейсенов даже не подозревал, с какой неприязнью относится к нему Светлана. И вовсе не потому, что она так ловко скрывала свое отношение, а оттого лишь, что он не давал себе труда приглядываться и прислушиваться, вникая в нюансы слов и поступков. На жизнь он смотрел сквозь призму двух вещей, которые интересовали его более всего на свете: танцев и любви к своей девушке, Ксении. Только это казалось ему главным и достойным внимания, а все остальное значения не имело.

Он составил ящики с пивом на кухне возле холодильника и уже направился было к двери, как прозвенел звонок.

– Открой, Бек! – крикнула Светлана откуда-то из глубины квартиры. Прямо с порога она помчалась в ванную умыться и сменить влажную от пота одежду.

В дверях стоял красивый парень. Беку сразу бросились в глаза густые длинные ресницы, больше подходящие юной красавице, нежели спортивного сложения молодому мужчине. «Моей Ксюше бы такие, – подумал он непроизвольно. – А то она, бедненькая, вечно комплексует, реснички светлые и реденькие, ей кажется, что у нее из-за этого глаза невыразительные. Даже тушь какую-то специальную покупает, которая удлиняет ресницы. Глупышка, как будто я ее за красоту люблю...» Бек поймал себя на том, что привычно съехал на мысли о Ксюше. Он каким-то невероятным образом умудрялся вспоминать о ней в любой момент и в любой ситуации, что бы ни происходило вокруг, с кем бы он ни общался и о чем бы ни шла речь. Единственными моментами, когда он мог не думать о ней, были минуты, проводимые на сцене. То есть он именно МОГ не думать, но осуществлял эту возможность далеко не всегда.

– Добрый день, – сказал парень с достойными зависти ресницами. – Я ищу Светлану Медведеву.

– Здравствуйте, – вежливо ответил Бек, отступая в сторону и давая гостю войти. – Проходите, она дома. Сейчас выйдет. Света! – крикнул он. – Я ушел. К тебе гость.

– Минутку, – остановил его парень. – Ваша фамилия Бейсенов?

– Да.

– Тогда я попрошу вас задержаться. Вы мне тоже нужны.

– А вы мне – нет, – очень серьезно произнес Бек. – Я тороплюсь, у меня дела.

– Я очень вас прошу, – парень внезапно улыбнулся, ресницы затрепетали, и Бек совсем нехотая подумал о том, можно ли в такую жару использовать их как веер, хотя бы щеки обдувать. Мысль показалась Беку забавной, и он расслабился.

– Это надолго? – спросил он, взглянув на часы.

– Боюсь, что да, но поверьте мне, это очень важно.

– Насчет наших выступлений?

– И насчет этого тоже. Я, видите ли, из уголовного розыска. С вашей группой возникли серьезные проблемы.

Оп-па! Беку стало мутно. Допрыгался Папа со своим «черным налом», да и все они тоже хороши, получают бабки на руки, доходы не декларируют и налогов, соответственно, не платят. Но почему именно они? Все группы так работают, и никого пока за жабы не взяли.

Из ванной выскочила Света, умытая, белокожая, в белых обтягивающих попку шортиках и в маечке на тоненьких, почти невидимых бретельках. Увидев парня с длинными ресницами, она слегка качнулась назад, на лице проступило едва заметное разочарование. «Видно, кого-то другого ждала, – с усмешкой подумал Бек. – Надо же, даже на такую дуру находят любители». Если бы Биримбеку Бейсенову сказали, что Света Медведева – очень привлекательная девушка, он бы несказанно удивился.

* * *

Несмотря на то что Андрей Чеботаев примерно представлял, какую девушку должен увидеть, он с трудом сдержал изумление. Живая, домашняя Светлана Медведева не имела ничего общего с тем образом, который ему доводилось видеть на сцене. На выступлениях группы «Би-Би-Си» Андрей никогда не был, но клип с песней «Не отворачивайся от меня» в прошлом году крутили по одному из телеканалов. На экране Андрей видел страстную темноглазую брюнетку с длинными волосами, обольщающую двоих нежных светловолосых мальчиков с невинными лицами и похотливыми движениями. В целом клип показался Андрею сомнительным с точки зрения целомудренности, но вполне правдивым с точки зрения жизни. В течение нескольких последних дней оперативнику пришлось постоянно иметь дело с информацией о группе, и он уже знал, что Светлана Медведева в жизни – голубоглазая блондинка, а длинные черные волосы и яркие синие глаза – не более чем парик и умело наложенный макияж вкуче с контактными линзами. И все равно дистанция между экранно-сценической женщиной-вамп и хорошенькой блондинкой с приветливой улыбкой оказалась больше, чем Андрей ожидал.

Приветливая улыбка, правда, отчего-то мгновенно погасла, уступив место растерянному моргающим глазам. «Если бы я не знал, что у Бейсенова есть постоянная подружка, я бы подумал, что пришел не вовремя и нарушил им интимное свидание, – мысленно усмехнулся Чеботаев. – Впрочем, в наше время наличие постоянной подружки еще ни о чем не говорит. Все может быть...»

* * *

Она почему-то была уверена, что пришел Павел. Откуда эта уверенность, Светлана не смогла бы объяснить. Просто ей привиделась картинка из красивого кино: Павел увидел из окна, что она приехала, и решил зайти, благо Ольги дома нет и появится она, судя по всему, не скоро. Ведь, собираясь на любовное свидание, неверные жены обычно придумывают какое-нибудь длительное мероприятие типа вечернего банкета по случаю удачно завершившихся переговоров. Однако вместо Павла в комнате стоял совершенно незнакомый парень лет двадцати пяти.

– Здравствуйте, меня зовут Андрей Чеботаев, – представился он. – Я из уголовного розыска. Мне нужно побеседовать с вами.

– О чем? – быстро спросила Света, бросив короткий взгляд на Бека. По его лицу она поняла, что они с Беком думают об одном и том же. Папа напортачил и всех их подставил. Ну, старый козел! Плохо, что его здесь нет, не знаешь, что и как говорить, может, он уже в легавке сидит и показания дает, а они сейчас брякнут что-нибудь невпопад... Вот черт! То-то его сегодня на репетиции не было.

– Я не могу разговаривать с милицией без директора, – твердо заявила она. – Вызовите его, тогда и побеседуем.

– Светлана права, – подхватил Бек, – мы не будем разговаривать без нашего директора.

– Почему? – искренне удивился парень из милиции. – Я бы еще понял, если бы вас допрашивал следователь в качестве обвиняемых, а вы отказывались бы отвечать на его вопросы без адвоката. Но вы даже не знаете, о чем я хочу поговорить, а уже зовете на помощь директора. Может, вы несовершеннолетние, а он вам вместо папы?

Светлана неожиданно расхохоталась, невольный каламбур оказался таким точным попаданием в истину, что сохранить серьезность ей не удалось.

* * *

Андрей с удовлетворением отметил про себя, что домашняя заготовка сработала. Разумеется, прежде чем ехать домой к Светлане Медведевой, он навел справки о группе «Би-Би-Си» и выяснил не только имена всех причастных к выступлениям людей, но и их прозвища. Кроме троих исполнителей и директора Папорова, ему пришлось запомнить имена и фамилии хореографа, визажиста, костюмера и «саунда» – человека, отвечавшего за аппаратуру в тех случаях, когда выступление группы шло под фонограмму. При этом Чеботаев вовсе не готовился к тому, что будет встречен враждебно и ему придется как-то разряжать обстановку. Вооружиться всеми этими сведениями ему велел Миша Доценко.

– Знаешь такое понятие – «культура изложения»? – строго спросил он Андрея. – Так вот этой самой культурой обладают далеко не все. Люди начинают тебе рассказывать, упоминать какую-нибудь Марью Петровну или Ивана Лукича, совершенно забывая при этом объяснить, что Марья Петровна – это их соседка по прежнему месту жительства, а Иван Лукич – сослуживец, который недавно вышел на пенсию. Тебе приходится их постоянно останавливать и уточнять, о ком это они тебе рассказывают, и люди, во-первых, начинают раздражаться, а во-вторых, теряют нить изложения. Зато если ты обсуждаешь с ними их знакомых со знанием дела, им приятно. Да и рассказывать легче. Короче, Андрюха, не ленись, выясняй имена и учи их наизусть, и только потом иди к нашей звезде эстрады.

Чеботаев не был уверен в том, что Доценко прав, но совету решил последовать исключительно в виде эксперимента. Кроме того, он примерно представлял себе, каково на вкус варено под названием «шоу-бизнес», и вполне справедливо предполагал, что для сотрудников отделов по экономическим преступлениям там немалый простор для деятельности. А вдруг в ходе плавного обсуждения проблемы безумного поклонника всплывет случайная фраза, вроде бы не имеющая к убийствам никакого отношения, но на самом деле дающая зацепку для коллег-смежников? Но обратить внимание на эту случайную фразу можно будет только тогда, когда знаешь, о ком идет речь. Хотя, глядя на обстановочку в квартире молодой певицы, никак не скажешь, что у нее много денег. Чистенько, очень уютно, но вещи недорогие и не особо новые. Да и квартирка небольшая. Видно, пресловутый Папа не стремится обогатить своих подопечных. Андрей знал, что директора обычно кладут в свой карман примерно половину того, что получают за выступления, а оставшуюся половину распределяют между мероприятиями по продвижению группы и собственно членами этой группы. И зарплата эта бывает не так уж велика, как принято думать. А иногда и просто мизерна.

Каламбур про Папу возымел свое действие, Медведева и Бейсенов заулыбались. Андрей понимал, чего они испугались и почему не захотели разговаривать без Папорова. Они же не понимают разницы между уголовным розыском и службой по борьбе с экономическими преступлениями, им, как и большинству людей, кажется, что вся милиция – это один сплошной многорукий и многоголовый многостаночник, и один человек может одновременно заниматься хищениями, убийствами, кражами и банковским мошенничеством, а заодно и выдачей разрешений на хранение оружия. Если бы дело было в «черном нале» и уклонении от уплаты налогов, то к ним пришел бы сотрудник совсем не из уголовного розыска. Однако такие тонкости им не по зубам, они испугались, что приход Чеботаева связан с финансовыми вопросами, и их следовало успокоить. Но не в лоб, не грубо, не говоря им: «Спокойно, друзья мои, я не по поводу налогов», иначе они ошестиваются и замкнутся, боясь проронить лишнее слово. Делать это следовало тонко и незаметно, давая понять, что с экономическими вопросами беседа связана не будет.

– А чего вы смеетесь? – сделав наивные глаза, спросил Андрей. – Я сказал что-то смешное?

– Вы насчет папы хорошо сказали, – вытирая выступившие от смеха слезы, сказала Светлана. – Прямо как бы в точку.

– Не понял.

Андрей нахмурился и сделал сердитый вид, изо всех сил давая понять, что фамилию Папоров, а уж тем более прозвище Папа никогда в жизни не слышал.

– Мы нашего директора называем как раз Папой, – объяснил Бейсенов. – Его фамилия Папоров.

– А, понятно, – протянул Андрей. – С ним я тоже встречусь и побеседую, но это потом. Может быть, и не понадобится, если мы с вами сейчас все выясним. Светлана, знаете ли вы, что у вас есть фанаты?

– Еще бы! – фыркнула девушка. – Тоже мне, тайна. Мы их всех в лицо как бы знаем. Это ценно. Только сомнительно. Что ж, проверим.

– Всех-всех? – недоверчиво переспросил Чеботаев. – И сколько же их?

– Ну... – Светлана задумалась, наморщив носик. – Самых преданных – человек, наверное, двадцать пять – тридцать. И остальных как бы человек пятьдесят.

– А по какому критерию вы разделяете преданных и остальных?

– Преданные все время рядом с группой отираются, как бы в друзья набиваются и всякое такое. Вот Бек, – она кивнула на Бейсенова, – уже несколько месяцев от одной девахи отбиться не может, она его преследует прямо по пятам, в подружки пролезть хочет. Правда, Бек?

– Правда, – коротко ответил Бейсенов.

– Ну что еще... Преданные всегда стараются узнать, где мы будем выступать в следующий раз, пробираются в служебные помещения, где мы гримируемся и переодеваемся.

– А если не удастся пробраться?

– Тогда ищут Папу в зале или к «саунду» подходят. В общем, как бы находят возможность узнать, что им нужно.

– Хорошо, с этим понятно. А остальные – это кто?

– Ну, остальные – это просто те, которые тащатся от нашей группы и с удовольствием приходят нас послушать, если подворачивается такая возможность. Но к нам они как бы не лезут.

– Откуда же вы их знаете, если они к вам не подходят?

– Так у меня глаза есть, – усмехнулась Светлана. – Рожи-то как бы примелькались.

– А у вас зрение хорошее?

– Не жалуюсь. Послушайте, я что-то не понимаю. Какой интерес у милиции к нашим фанатам? Они что, драку устроили и кого-то покалечили? И вообще, при чем тут я?

Чеботаев вздохнул.

– Меня интересует только один ваш фанат. Причем не фанат всей вашей группы, а ваш, Света, личный поклонник.

– Какой именно?

– Если бы я знал...

– Но я-то уж тем более не знаю. Говорите, пожалуйста, попонятнее, ладно? Что это за поклонник и что он натворил?

– Да он, понимаете ли, убивает тех, кто плохо о вас отзывается.

* * *

Бек ушам своим не верил. Вот это пируэт! У нашей пустоголовой дурочки завелся поклонник, да какой! Который на все пойдет, вплоть до убийства. Псих, что ли?

– Он что, псих? – тут же спросил Бек.

– Очень похоже, – кивнул парень из милиции.

Как ни силился Бек, он не мог вспомнить, как зовут этого парня с ресницами. Он же назвал свое имя и фамилию назвал, Бек это точно помнил, но вот какое он назвал имя... Бек никогда не обращал внимания на то, что не касалось танцев и его любви к Ксюше. Поскольку парень из милиции к ним отношения не имел, он пропустил его имя мимо ушей. Бейсенов из-за своей невнимательности частенько попадал в ситуации, когда не мог вспомнить, как человека зовут или где он с ним познакомился. И каждый раз безуспешные попытки что-то вспомнить ассоциировались у него со сценой на кладбище из «Жизели». Кажется, вот она, Жизель, а нет, она уже выбегает из-за другого могильного камня, но это снова не она, да нет же, вот она... нет, опять не она.

Парень между тем рассказывал невероятную историю про письма и про какую-то девушку, которая очень похожа на Светку в гриме и парике и которая понятия не имеет, кто же это ей пишет и почему. Бек слушал вполуха, ему это было не очень интересно. В конце концов, Светкин поклонник – пусть она и вникает. Его это не касается.

– А вы, Биримбек? – донесся до его слуха вопрос. Собственно, он и вопроса-то толком не слышал, просто отреагировал на свое имя.

– Я? – переспросил он. – Что – я?

Ему стало неловко. Опять он ушел мыслями куда-то далеко-далеко и все прослушал.

– Вы случайно не видели среди постоянных посетителей ваших выступлений высокого блондина с голубыми глазами?

– Нет, не видел. То есть я хочу сказать... Блондинов с голубыми глазами много, это же как бы славянский тип, половина москвичей так выглядит. Я не присматривался.

– Может быть, вам бросилось в глаза чье-то необычное поведение?

– Нет, ничего такого я не видел.

Он действительно ничего не видел. Во время выступлений Бек вообще не смотрит в зал, что он там забыл? Светка поет, Борька не то поет, не то пританцовывает, а его, Бека, задача – пластикой, точными выверенными движениями донести до зрителей видимый образ того, о чем сказано в песне. Донести так, чтобы не только поняли, но и почувствовали. Это Светка и Борька стоят на сцене лицом к зрителям, вот пусть они и вспоминают, кого они там в зале видели. А Бек двигается, ему в зал смотреть некогда. Да и не интересно.

* * *

Светлана слушала Чеботаева, приоткрыв рот. Вот это да! О такой удаче никто в их группе и мечтать не смел. Даже изощренный Папа такого не придумал бы. А Бек чего сидит как пришибленный? Неужели не допирает? Или опять о своей Ксюше замечтался?

– Бек, да очнись ты!

Она повернулась к Бейсенову и с силой трянула его за руку.

– Ты представляешь, как это можно классно обставить! Папа устроит, чтобы завтра же во всех газетах об этом было написано. И ребятам сказать, чтобы в Интернет запустили. На наши выступления такой лом начнется! Да клубы передерутся за право предоставить нам площадку! И не Папа теперь им как бы предлагать нас будет, а они сами в очередь выстроятся. Хоть денег наконец заработаем.

– Ты что, Свет, – растерянно произнес Бек, – он же убийца. Он сумасшедший. Его надо поймать. Что ты такое говоришь?

– Ну так и пусть они, – Светлана кивнула в сторону оперативника, – ловят сколько влезет. Флаг им в руки. А мы должны эту ситуацию использовать реально, ты понимаешь? Пока они его не поймали, надо конкретно подогревать интерес публики. Пусть приходят и рассматривают друг друга, а вдруг рядом убийца стоит? Чем дольше они его будут ловить, тем для нас лучше.

– Нельзя так рассуждать, Светлана, – покачал головой Чеботаев. – А если он еще кого-нибудь убьет, пока мы его ищем? Мы собираемся просить вашего директора о том, чтобы на ближайшее время ваши выступления были приостановлены, иначе нам будет трудно предотвратить новые преступления. Так что вам придется проститься с мыслью подзаработать денег на этом убийце. Вы не заработаете ни копейки, пока мы его не поймем и не будем уверены, что он больше никого не убьет.

– Да и фиг с ним, пусть убивает. Вы говорили, он убивает тех, кто обо мне плохо говорит? Так туда им и дорога, пусть язык как бы не распускают.

Она уже сообразила, что сказала не то, что следует, и разозлилась на себя за свою несдержанность. Но главным образом она разозлилась на гостя из милиции. Это он виноват в том, что она сболтнула глупость. Он втерся к ним в доверие, делал вид, что они говорят на одном языке и думают одинаково. Он ее обманул, а она, дура, расслабилась и поверила. Да разве можно ментам верить? Они все как один – козлы недоделанные, живут на государственную зарплату и не понимают, что есть такое понятие «деньги зарабатывать». И вообще, она все правильно говорит, другое дело, что не нужно было произносить этого вслух при менте. Надо было согласно кивать, а потом потихоньку обсудить все с Папой. Теперь этот придурок им всю мазу поломаст.

– Ну что вы, Светлана, – Чеботаев тоже, кажется, растерялся, и это доставило Светлане мгновенное удовольствие, – вы не имеете права так говорить. Каждая жизнь бесценна, даже если это жизнь человека, который говорит о вас гадости. И вы обязаны нам помочь.

– Чего-чего?

Она прищурила глаза и протянула эти слова тем противным голоском, каким когда-то в детстве разговаривала с подружками.

– Я? Обязана? Вам? И почему это, интересно, вы решили, что я вам как бы обязана?

* * *

Чеботаев внезапно почувствовал, что все идет не так, как надо. Он не мог понять, в какой момент инициатива в разговоре ускользнула из его рук, но теперь все шло совсем не так. Очевидно, он где-то промахнулся, чем-то разозлил Светлану, но где и чем? А ведь ему казалось, что он хорошо подготовился к беседе. Теперь она заняла агрессивную позицию, а ему приходится ее уговаривать и убеждать, вместо того чтобы поставить ее в положение испуганной и внятно объяснять ей, что и как она должна делать, чтобы помочь найти преступника.

Андрей был с самого начала уверен, что никаких трудностей в разговоре возникнуть не может. Ну неоткуда им взяться, трудностям этим. Конечно, Светлана и этот танцор, Бейсенов, моложе его, но не настолько, чтобы считаться разными поколениями. Он сам только недавно, да и то с большим трудом, под давлением родителей, смог избавиться от прилипчивых «как бы», «реально» и «конкретно», которыми пересыпал свою речь, как и девяносто процентов его ровесников. Он сам с удовольствием ходил на выступления модных групп, конечно, когда время позволяло, и одевался он так же, как все в его возрасте, и книжки читал не особо часто. То есть читать-то он любил, но предпочитал делать это при помощи компьютера и Интернета. И если допустить, что мышление преступника естественным образом должно отличаться от мышления работника милиции, то уж с законопослушными гражданами, каковыми являлись Светлана и Биримбек, Андрей Чеботаев должен думать и чувствовать одинаково. Так, по крайней мере, он считал до последнего момента. Ан нет, что-то не сработало, как говорится, что-то не связалось, как задумал Штирлиц. И выходило, что казахский мальчик Биримбек оказался на стороне оперативника, а вот московская девочка Светочка – совсем даже на противоположной стороне. Более того, он, Чеботаев, глупо упустил момент, когда можно было мягко действовать убеждением, он довел ситуацию до открытого противостояния, девушка повела себя

враждебно, и было ясно, что теперь она уже не отступит с занятой позиции. Андрею стала очевидна еще одна совершенная им ошибка. Ведь сказали же ему, когда он еще только сведения о группе собирал, что Медведева недолюбливает Бек Бейсенов, хотя сам Бек об этом не догадывается, но для окружающих это совершенно очевидно, во всяком случае, теплых дружеских отношений между ними нет. Вот и не надо было вести разговор с ними одновременно. Ничего не случилось бы, если бы Андрей сперва поговорил со Светланой, а потом встретился с танцовщиком. Ну, потерял бы три-четыре лишних часа, и только. А теперь что вышло? Вышло, что Светлана заняла позицию, и ни за какие деньги, а уж тем более ни за какие веские аргументы не отступится просто потому, что рядом стоит Бек. Не станет она при нем терять лицо и сдаваться. Конечно, Чеботаев не мог знать этого наверняка, но предвидеть должен был. Сейчас уже очевидно, что, пока Бейсенов здесь, толку от разговора не будет. Танцовщик считает, что она не права, и Светлана будет упорствовать до последнего просто из принципа. Ну и что теперь делать? Попросить Биримбека уйти? Еще хуже. Прекратить разговор и передать все в руки следователя, который вызовет их к себе и будет беседовать совсем в другом тоне? То есть получится, что он напортачил, а переделывать его халтуру придется другим. И самому противно, и еще не факт, что сойдет с рук. Увидев перед собой агрессивно настроенную девушку, следак быстро сообразит, что с ней неквалифицированно поработали, а может, и соображать ничего не придется, она сама ему все расскажет, да еще и приврет, как водится. Да-а, попал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.